

Олег
Волховский

Маркиз и
Жюстина

18+

Олег Волховский

Маркиз и Жюстина

«Автор»

2026

Волховский О.

Маркиз и Жюстина / О. Волховский — «Автор», 2026

У любви много обличей, и эта книга — история любви. Молодая женщина умирает в своей московской квартире от сердечного приступа. Но на ее теле обнаружены следы пыток, и по подозрению в убийстве арестован ее муж. В тюрьме он вспоминает историю их отношений, начавшуюся со знакомства на одном из российских садомазохистских (БДСМ) сайтов... «Маркиз и Жюстина» — это не просто детектив, это исследование природы власти, боли и выбора. Так поиски виновного оборачиваются попыткой понять саму логику человеческих желаний.

© Волховский О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. О святости садистов	6
Маркиз	7
Олег Петрович	9
Маркиз	14
Олег Петрович	19
Маркиз	23
Олег Петрович	31
Кабош	34
Маркиз	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Волховский

Маркиз и Жюстина

Книга о святости садистов и духовности мазохистов

Лицам, не достигшим восемнадцати лет, и людям со слабыми нервами читать не рекомендуется.

1. О святости садистов

Маркиз

– Брэйк, Маркиз!
Я остановил уже занесенную руку.
– Кажется, сердце... – прошептала она.
Развязал ее, уложил поудобнее.
– Сейчас, я мигом!
Бросился на кухню за лекарствами.
Кабош устроит головомойку, если узнает, что лекарства у меня на кухне, а не под рукой.
Вернулся, сунул ей валидол:
– Положи под язык!
И ринулся звонить Кабошу.
Длинные гудки. Вот черт!
Придется вызывать скорую. Так хотелось обойтись без лишних вопросов!
Дозвонился с третьей попытки.
– Сердечный приступ. Да. Гипертоник.
Назвал адрес.
– Маркиз, – простонала она, – холодное, что-нибудь... на грудь... горячо...
Я принес пакет со льдом, хотя не знаю, правильно ли сделал.
Она говорила еще, кажется, что-то важное, но я был не в состоянии воспринимать.
– Ты молчи лучше, лежи. Сейчас приедет скорая.
Скорая не едет. Пятнадцать минут, двадцать, полчаса.
Обрываю телефон Кабоша. Куда запропастилась эта сволочь?
Жюстина лежит, полуприкрыв глаза. Губы посинели и слегка дрожат.
Час... Они что на ишаках ездят?
Наконец, прорвался: щелчок и низкий голос:
– Да?
– Мэтр, Жюстине плохо с сердцем... Уложил... Вызвал... Жду.
Ему ехать минут сорок.
Через полчаса она застонала, вздрогнула и обмякла. Я схватил ее руку. Жюстина не про-
реагировала, никак. Я не знал, что делать.
Что в этом случае делают? Массаж сердца? Искусственное дыхание?
Минута, три, пять...
Раздался звонок в дверь. Мэтр Кабош ввалился в коридор и скинул пальто.
– Где руки помыть?
– Хрен с ними с руками! Она уже пять минут не дышит.
– Пошли.
Он взглянул на нее, взял запястье, скривился.
– Я попробую, конечно, что-нибудь сделать, но у меня нет оборудования для реанимации.
Скорую вызывал?
– Почти два часа назад! Я же сказал!
– Понятно.
Он колдовал над ней еще минут десять. Я толком не понял, что он делал, потому что сидел на стуле, закрыв лицо руками.
– Маркиз, я сожалею.
И тогда приехала скорая.
Двое врачей в синих куртках с серебряными полосами: мужчина и женщина.
– Опоздали, ребята, – бросил Кабош.

- В Москве пробки.
- В голове у вас пробки! Я десять лет проработал на скорой! Что-то не помню, чтобы мы по два часа добирались!
- Констатировали смерть.
- Потом куда-то позвонили.
- Молодая женщина... Труп до прибытия... Предположительно, острая коронарная недостаточность.
- Обещали прислать машину за «телом». И отвалили.
- Кабош остался.
- Экшн проводили?
- Да.
- Ну, огребай! Я вас предупреждал.
- Она очень просила.
- Отказать не мог? Есть такое замечательное слово «нет». Говорить разучился?
- Она сказала, что...
- Никого не волнует, что она сказала! И волновать не будет. У тебя абсолютная власть, абсолютное право и ты, и больше никто, за все отвечаешь. Ну, звони ее папочке!
- Никогда не имел склонности к психологическому мазохизму.
- Ничего, тебе полезно!
- Я набрал номер.
- Валентина Викторовича попросите, пожалуйста!.. Валентин Викторович? Это Мар...
- Андрей. Оля умерла. Сердечный приступ...
- Минут через пять я положил трубку.
- Ну что? – спросил Кабош.
- Что? Экшн.
- Понятно.
- А куда они звонили?
- В полицию.
- Я поднял голову и в упор посмотрел на него.
- Они обязаны были это сделать, – жестко сказал Кабош.

Олег Петрович

Звонил Антонов.

– Доброе утро, Олег. Тут дело такое...

Я сердцем почувствовал, что мне хотят всучить очередной висяк.

– В общем, звонил депутат Пеотровский. У него дочь умерла. Он считает, что ее убили.

– А заключение, какое?

– Сердечный приступ.

– Ну и что нам тут делать?

– Он влиятельный человек. С нашим начальством в баню ходит. Ты в морг съезди хотя бы. Надо отчитаться. Записывай: «Ольга Пеотровская. Тридцать два года. Умерла вчера около одиннадцати вечера».

Я кивнул Сашке Черкашину.

– Поедем, проветримся.

– Убийство?

– Да хрень какая-то! Сердечный приступ! Зато папочка депутат.

По Гоголевскому метет поземка. Свернули направо, на Сивцев Вражек, к Бюро судебно-медицинской экспертизы. Вошли, предъявили корочки.

– Нам нужен патологоанатом, который проводил вскрытие Ольги Пеотровской.

– А-а, Швец. Он еще работает.

Доктор Швец высок и худ и напоминает недокормленного интеллигента, кем очевидно и является. Улыбнулся нам как родным.

– По поводу Пеотровской?

– Да.

Он кивнул.

– Острая коронарная недостаточность. Но и для вас есть кое-что интересное. Пойдемте!

В кабинете он протянул нам протокол вскрытия.

– У девушки следы пыток по всему телу, в том числе свежие.

– Вот так! – сказал я. – Но смерть от сердечного приступа.

– Дело в том, что молодые женщины очень редко умирают от ОЖН. Это удел мужчин. Должна была быть очень сильная, запредельная стрессовая нагрузка. Смотреть будете?

– Сейчас, позвоним эксперту.

Черт! Даже Лену не взяли, слишком были уверены, что дело гроша ломаного не стоит.

Дождались Лены, вместе спустились к холодильникам.

Швец выкатил труп и расстегнул полиэтиленовый чехол.

– Впечатляет?

Лена начала записывать:

– Тонкие шрамы, вероятно, от ножа: на груди, на животе, на спине, на ягодицах; следы ожогов; на правой ягодице выжжено клеймо с изображением символа, напоминающего свастику или цветок. Три лепестка с точками.

– Держали в заложницах? – предположил я. – Следы побоев?

– Ссадины, синяки, точечные кровоизлияния. И, похоже, ее связывали. Здесь характерный шрамик на запястье. Как от ремня. Или от наручников... Правда, старый.

– Наркотики кололи?

– Никаких следов.

Я вздохнул.

Час спустя мы общались с врачами скорой помощи.

– Когда мы приехали, она была мертва несколько минут.

- Кто вам открыл?
- Парень такой темноволосый, симпатичный. Наверное, муж.
- Как себя вел?
- Казался очень расстроенным.
- Был один?
- Нет. Еще мужчина постарше, знакомый или родственник, сказал, что врач.
- Понятно. Адрес помните?
- Конечно, все записано.

Продиктовали адрес. Мы с Сашкой второй раз за день недоуменно переглянулись: это был адрес ее прописки.

– Е... твою мать! – сказал Сашка уже в машине. – Ее что дома в заложниках держали и там же пытали?

Я пожал плечами:

– Поедем, поговорим с депутатом.

Валентин Пеотровский показался мне человеком неприятным. В кабинет пригласил, предложил сесть, но смотрел властно и презрительно. Он пребывал в полной уверенности, что его дочь убил ее парень, точнее муж (нищий провинциал, мразь смазливая, пустое место и т.д.). Поженились они за месяц до ее смерти, прожив вместе около пяти лет. Уже подозрительно. У Ольги квартира (в центре, в кирпичном доме, с евроремонтом). Теперь он официальный наследник.

На прощание Валентин Пеотровский улыбнулся почти панибратски и пожал нам руки. Но это не улучшило впечатления.

Однако мы узнали кое-что новое. Этот ее парень (Андрей Амелин) был преподавателем историко-архивного института, точнее РГГУ (как он теперь называется). Подрабатывал тренером по восточным единоборствам и охранником.

Возмущение депутата вполне понятно: не их человек. Куда ему со свиным рылом в мерседесный ряд!

В РГГУ нам порекомендовали аспирантку Марию Подистову как хорошо его знавшую.

Она глянула на нас через круглые очки. Приподняла брови.

– Уголовный розыск? С чего бы это?

– Нас интересует Андрей Амелин.

Не удивилась. Глаза под очками взглянули понимающе: «А-а, тогда все ясно». А губы улыбнулись и уверенно выдали:

- Отличный парень.
- Он способен на убийство?
- Все способны на убийство. На войне мало кто не стреляет.
- Причем тут война?
- А кого он убил?
- Не отвечайте вопросом на вопрос!
- Скажите, кого он убил, и я скажу, способен или нет.
- Свою жену. Ольгу Пеотровскую.
- А-а, Жюстину. Однозначно, нет. Это папочка ее сказал?
- Ну-у...
- Ерунда! Не верьте! Маркиз чуть из-за нее в тюрьму не сел.
- Маркиз?
- Ну, Андрей. Привычка. Друзья Маркизом зовут.
- И что за история с тюрьмой?
- А вы не знаете?
- Поднимем дела... Мне интересен ваш взгляд на вещи.

– Вы спрашивали: способен ли убить? Способен, способен... Они как-то с Жюстиной возвращались после спектакля. В Ленкоме давали «Королевские игры». В метро сразу не пошли – шатались по городу. Маркиз говорил: осень, красиво, вечер теплый. Сунулись уже перед закрытием. Да им недалеко, от Театральной. Остановились в переходе, у стены.

– Зачем?

Мария хмыкнула:

– Лизаться вестимо. И тут подкатили к ним подростки: три экземпляра. Явно обкуренные, а то и хуже. Потребовали денег. Маркиз Жюстину за спину, а им: «Убирайтесь, пока целы». Не вняли. Полезли. А у одного оказался нож. Ну, тут, как Маркиз рассказывал: «планка» у него упала... Но один успел-таки пырнуть ножом, и Маркиз отрубился. Когда очнулся: рядом три трупа и пять ментов. Сначала емушили «убийство, совершенное с особой жестокостью», потому что одного из пацанов он убил вот так, – она расставила указательный и средний пальцы правой руки в форме буквы V и расположила ее горизонтально. – Выбил оба глаза.

Но ничего, разобрались. Он был безоружен, отпечатков его пальцев на ноже не было – только их. И вообще выяснилось, что человек пишет диссертацию по истории, сочиняет стихи и играет на виолончели. Почему-то виолончель поразила ваших больше всего. В общем, дали ему что-то такое условно: «превышение пределов необходимой обороны».

А полицию знаете, кто вызвал? Она и вызвала, Жюстина. Говорила, что очень испугалась за него. Лучше бы не вызывала. Потом стояла на коленях возле палаты и все твердила: «Прости! Прости! Прости!» Внутрь менты не пустили. Он услышал, сказал ментам: «Вы передайте, что я ее прощаю». Но она все равно осталась. Так и стояла, пока за ней их друг не пришел, и не увел домой.

– Что за друг?

– Не помню, как зовут. Здоровый такой мужик.

– «Планка» значит падает...

– Ничего не значит! А если бы на вас полезли трое наркоманов с ножом, а вы при этом были с женой любимой, у вас бы «планка» не упала?

– Я не умею убивать голыми руками.

– Это не ваше достоинство!

– Пацанов-то не жалко?

– Этих? Шваль! Наркоманы! Жить мешают приличным людям. Чем меньше таких будет – тем чище воздух.

– А почему «Маркиз»?

– А вы его видели?

– Да.

– И спрашиваете?

– Так почему?

– Темные волосы, глубокие карие глаза, правильные черты лица, манеры и сдержанность аристократа, тренированное тело. И не гора мышц только, а голова на плечах. И Рэмбо с Рембо не путает. Я думала, что это вообще только в кино бывает, чтобы человек, обладая всеми перечисленными достоинствами, еще и Рэмбо с Рембо не путал! А вы спрашиваете «почему маркиз»? Потому что маркиз. Весь поток по нему сох. У нас в институте и так мужиков мало, а тут самурай такой. А он выбрал эту мышь серую на десять лет старше него! Чем приворожила? Мы уж подумали, что деньгами. Она баба богатая. Только непохоже это на Маркиза. Потом узнали, что он охранником подрабатывает, чтобы на ее деньги не жить. А через год где-то я их вместе увидела. Как она на него смотрит, и как он на нее смотрит: Ромео и Джульетта. «Не повенчав, с такою речью страстной, вас оставлять одних небезопасно...» Это после года совместной жизни. Значит, чем-то приворожила. Есть мужчины, которые любят, когда их любят.

Любить самим для них не так уж важно. А она по нему с ума сходила, это точно. Знаете, как называла? «Государь»!

– А как они познакомились?

– По Интернету. На каком-то сайте.

– На каком?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Предположить можете?

– У него много увлечений: Япония, боевые искусства, музыка, поэзия. Потом профессиональная деятельность: история, медиевистика, – она пожала плечами. – Ищите!

«Итак, – попытожил я. – «Андрей Амелин – ангел с крылышками с тремя трупами на совести, а, может быть, и четырьмя».

Тренировки проходили в подвале сталинского дома неподалеку от метро «Ленинский проспект». Спустились по лестнице, постучали. Открыла невысокая девушка в кимоно.

– Мы из полиции, – предъявил удостоверение.

Она помедлила.

– Что вас интересует?

– Поговорить.

– Ну, пойдете.

Зал небольшой. Низкий потолок поддерживают квадратные колонны. Вероятно, недавно сделан ремонт. Стены свежеекрашены в бежевый цвет. У входа висит японский (или китайский?) свиток с изображением самурая (или божества?) и иероглифической надписью. На дальней стене черным выведен метровый крест, заключенный в круг.

В зале в одной и той же позе застыли несколько молодых людей и две девушки. Левая нога впереди, правая отставлена, полуприсед, у груди двумя руками сжат бамбуковый тренировочный меч. Парень у противоположной стены выкрикивает что-то по-японски (или хрен его знает!), и поза меняется. Теперь они на шаг вперед, и мечи расположены горизонтально, словно вонзенные в невидимого противника. Все слаженно, четко, красиво, словно танец.

– Ребята, это из полиции, – говорит девушка.

Парень, который командует парадом, кивнул, махнул рукой остальным.

– Пока всё! Садитесь.

Садятся на скамью у стены.

– Мы вас слушаем, – говорит парень.

– Андрей Амелин здесь?

– Сенсея нет.

– Что вы можете сказать о сенсее?

– Отличный парень.

– А что с ним?

– У него жена умерла.

– Вы ее знали?

– Да, она была здесь несколько раз. Тоже пыталась заниматься. Кстати, неплохо получалось.

– Какие у них были отношения?

– Великолепные!

– Он ее не бил?

Парень хмыкнул.

– Вы что смеетесь? Разве что бамбуковым синаем во время поединка.

– Ничего странного за ними не замечали?

– Да нет.

- Говорят, она его государем называла.
- Государем или господином. У них было типа игры. Он дайме, а она его хатамото.
- Он что?
- Дайме. Князь в средневековой Японии. Хатамото – самурайский ранг.
- Я посмотрел на девушку, которая мне открыла.
- А вас как зовут?
- Ирина.
- И не больно бамбуковым синаем получать?
- А что неприятного в боли? – улыбнулась она. – Полезный механизм. Так и надо относиться.

Сашка делился впечатлениями. Они с Игорем опрашивали соседей. Богатый дом. Кирпичная башня у Павелецкой. Консьержки. Цветы на почтовых ящиках. Зеркала в лифтах.

Соседи ничего не видели и не слышали. Да, приятная пара. Его, кажется, Андреем зовут. Тихие, вежливые, приличные. Правда, несколько раз громковато включали музыку. Но здесь стены хорошие, не очень мешали. Молодежь! Ничего странного не замечали? Ничего. Только старушка напротив задумалась и вспомнила, видела как-то: он входит, а она перед ним на коленях стоит и вроде в землю кланяется. Не показалось? Да не один раз это было. Наблюдательная старушка.

- Ну что? – спросил я. – Какие идеи?
- Сашка пожал плечами.
- Приведем. Допросим как свидетеля. Там посмотрим.

Маркиз

В день похорон Жюстины я заснул только под утро. Все думал о том, как сохранить самообладание в присутствии ее отца и не поникнуть главою под его ненавидящим взглядом.

Меня разбудил звонок в дверь. На часах без пятнадцати восемь. Звонят настойчиво.

– Кто там?

– Полиция.

– Минуту.

Минута растянулась на пятнадцать. Самурай каждое утро обязан принимать ванну и надевать чистую одежду – и все лишь для того, чтобы достойно встретить смерть. Подождут! Надеюсь, что дверь ломать не станут.

Не стали.

– Удостоверение покажите! – сказал я.

Они поднесли к глазку какую-то бумажку. Будто я отличу настоящее удостоверение от поддельного!

Впрочем, кроме полиции это могли быть только люди господина Пеотровского, что почти то же самое.

– Открывайте! Иначе здесь будет спецназ.

Я представил себе картину, как группа спецназа спускается по стене дома, чтобы через окно штурмовать квартиру с единственным безоружным человеком, и мне стало смешно. Но злить их не стоит.

– Заходите! Чем обязан?

– Вы поедете с нами.

Я кивнул.

– Что я могу взять с собой?

– Ничего, кроме документов. Вечером вернетесь.

Меня посадили в выдавшую виды синюю девятку без всяких опознавательных знаков, имеющих отношение к полиции.

Едем по заснеженным улицам Москвы, мимо тянется ограда бульвара. Не проститься ли? В «вечером вернетесь» верится с трудом.

– А что это ваша девушка перед вами на коленях стояла?

Я приподнял брови.

– На коленях?

– Соседи видели.

– Что только не увидят! – я пожал плечами.

Повернули на Петровку, и перед нами открылись ворота известного учреждения.

– Все: домой приехали, – усмехнулся оперативник.

Мы поднялись на четвертый этаж, и меня провели в кабинет вида совково-казенного. Дешевая мебель и большое количество бумаг. Компьютер, правда, есть. Прогресс, однако.

Мужик за столом отдаленно похож на Кабоша. Но моложе и, по-моему, жестче. Холодные серые глаза. Любой саб словит кайф от одного взгляда.

– Садитесь!

Он протянул мне сигарету.

– Спасибо, не курю.

– И правильно, – сказал он и закурил, выпустив струю дыма мне в лицо.

– Имя! Фамилия!

Я добросовестно ответил.

– Как умерла Ольга Пеотровская?

- Ей стало плохо с сердцем. Я вызвал скорую. Но они опоздали. Ехали два часа!
- Кто еще был с вами?
- Мой друг, врач. Он приехал раньше скорой, но позже, чем было надо.
- Имя? Фамилия?

Я назвал.

- У Ольги Пеотровской следы насилия по всему телу. Как вы можете это объяснить?
- Какие следы насилия?
- Пять лет жили вместе и не знаете какие?
- Следы насилия? Не знаю.
- Угу! Ну, например, клеймо на ягодице.

Я нагнулся и завернул брюки. Следак с некоторым удивлением смотрит на меня.

Я повернул к нему ногу.

- Такое?

- Д-да...

- Это Body Art. Сейчас модно. Клеймо вместо татуировки. В салонах делают.

- И в каком салоне вам это сделали?

- Не помню.

- Это не разговор.

- Ну, что поделаешь! Не помню. Ищите!

– Поищем, – задумчиво проговорил следователь. – А следы ожогов и уколов? А шрамы от порезов и проколов кожи? Их тоже в салонах делают?

- Я не буду отвечать на этот вопрос. Это не моя тайна.

- Детский лепет!

- Почему? Что странного, что я не хочу рассказывать о том, что не хотела бы оглашать

Жюст... Ольга.

- Как вы ее назвали?

- Жюстина.

- Почему?

- Это ник. Мы по Интернету познакомились.

- Вы ее пытали?

- Что за ерунду вы говорите?

- На ее теле следы пыток!

- Вы в этом уверены?

Он не ответил. Протянул мне бумагу с напечатанным текстом.

- Подпишите. Вот здесь. С моих слов записано верно и мною прочитано.

Я внимательно прочитал. Ну, в общем, да. Подписал. Следователь кивнул одному из оперативников.

- Ну что? Пишем постановление?

- Какое постановление? – спросил я.

- Вы задержаны по подозрению в убийстве Ольги Пеотровской.

Наверное, я открыл рот.

- Убийстве?

– Убийстве. Смерть наступила в результате систематических пыток и издевательств. Признаете себя виновным?

- Вы что, смеетесь?

Следак пожал плечами.

- Тогда пишите здесь: «Виновным себя не признаю».

Встал с места, чуть не зевнул, чуть не потянулся.

- Нам, знаете ли, все равно, кого сажать.

В помещении похожем на предбанник, с зарешеченным окном и выщербленной совковой плиткой на полу, меня заперли в каменный мешок размером с сортир и узенькой лавочкой, вделанной в дальнюю стену. Зачем-то продержали около получаса.

Выпустили. Посадили на стул возле казенного столика с лампой. Неопрятный старик (почему-то в белом халате) отобрал и описал вещи (в том числе часы и обручальное кольцо). Потом приказал раздеться.

– Наклонитесь! Раздвиньте ягодицы!

Это на предмет, ни спрятал ли я чего в заднем проходе. «Вот и первые уроки рабства», – подумал я.

– Встать! Вперед!

Старческая рука залезла в мои волосы.

– Да нет! – услышал я голос за спиной. – Этот из интеллигентных. Вшей нет.

Повели в душ. Температура воды градусов шестьдесят. Напор, как из брандспойта для разгона демонстраций. Не струи, а сверла.

Я оглядел общую обстановку: после моей утренней ванны здесь можно только испачкаться.

Полотенца не дали. Вероятно, имелось в виду, что я высохну сам. Одежду вернули и повели в камеру. Едва приоткрыв ярко-оранжевую дверь с глазком и окошком для подачи еды, втолкнули внутрь.

– Добрый день! – вежливо сказал я.

В небольшой комнате с тремя кроватями и окошком, зарешеченным так плотно, что за ним ничего невозможно рассмотреть, сидят двое.

Один – щуплый невысокий человек лет тридцати. Хитрые глаза и нос с горбинкой. Он мило улыбнулся:

– Добро пожаловать!

Второй – сын востока. Причем, дальнего. То ли китаец, то ли кореец, то ли вьетнамец.

– Да он по-русски ни хрена не понимает! – махнул рукою горбоносый молодой человек. – По-моему, вообще не догоняет, за что его сюда определили.

– А вас за что? Если конечно вопрос не слишком нескромен.

– Да нет. Мошенничество в особо крупных размерах. Ярослав, – он протянул мне руку.

– Очень приятно. Андрей. Убийство, совершенное с особой жестокостью.

Его рука напряглась, а улыбка стала несколько вымученной. Он отпустил мою руку нарочито медленно, боясь оскорбить опасного соседа. С той же напряженной улыбкой сел на кровать и отодвинулся куда-то в угол.

– Не беспокойтесь, – сказал я. – Я не виновен.

– Так ведь я тоже невиновен, – обрадовался тот. – Я – брокер. Меня хозяева подставили.

Я посмотрел на него внимательнее. Одет претенциозно, но на особо крупные размеры, пожалуй, не тянет (даже висящий на спинке стула толстый пиджак, бежевый в темную крапинку). Впрочем, почему я знаю, откуда у них начинаются эти самые «особо крупные» размеры? Может, со штуки баксов?

Тюремная еда – это отдельная песня, уместная, разве что на похоронах. Я долго искал рыбу в поданной через окошко и пахнущей этой самой рыбой неприятного вида тюре. Нашел рыбий скелет. Они, что мясо предварительно счищают? В вареве его тоже не обнаружилось.

– Как рыбная ловля? – поинтересовался Ярослав.

Я поморщился.

– Хуже, чем в Яузе в черте Москвы.

– Да ты возьми там сыр «Эльменталь» в упаковочке. Мне передачу принесли.

– Спасибо.

Кроме «супа» выдали буханку хлеба, отвратительного, но единственно съедобного из тюремного рациона.

– Где они берут такой хлеб? – вздохнул я.

– А-а! – усмехнулся Ярослав. – История следующая. Его из пыли выпекают, которая на хлебозаводах остается. На специальном заводе по специальной технологии.

– Так это же невыгодно!

– Ха! Невыгодно! Его же в советское время построили. А времена те были романтические, озабоченные высокими идеями, а не презренной выгодой.

Я улыбнулся. Мой сосед мне нравится.

Через пару часов меня вывели на «прогулку». Одного. В каменный мешок примерно три на четыре метра. Над стенами, где-то в полуметре, нависает железная крыша, так что видна только узкая полоска голубого неба, да втекает в эту дыру свежий морозный воздух. Там, наверху, на стене, прохаживается охранник.

И тогда я начал читать стихи:

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер,

И одно золотое с рубином кольцо,

Чтобы мог я спускаться в глубины пещер,

И увидеть небес молодое лицо...

Что? Зачем? Что я хотел доказать? Им? Себе? Только то, что я человек, а не животное, запертое в клетке, не машина, способная работать при условии удовлетворения ее минимальных потребностей.

Когда я читал Маркиза де Сада, мне, в общем, нравились его подходы. Есть только наслаждение. Стремитесь к нему, достигайте его всеми возможными способами, даже, если они кажутся кому-то грубыми и шокирующими. Изысканность, бывает, выглядит грубой. Наслаждайтесь! И что вам до других? Философия крайнего эгоизма и аморализма. Местами кажется, что у него списал Ницше, местами, что большевики. Человек – машина! И нет ни Бога, ни Черта.

Теперь же мне хочется кричать, что человек – не машина!

...Блистательна, полувоздушна,

Смычку волшебному послушна,

Толпою нимф окружена, стоит Истомина...

«Пир во время чумы» – вещь куда более Тематическая («Все то, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимо наслажденье, Быть может, вечности залог...»). Но «Евгения Онегина» я знаю дальше.

– А что это он читает? – спросил один охранник другого.

Тот пожал плечами.

Они не узнали! Они не поняли!

Я усмехнулся.

Не успел дочитать первую главу, как меня повели обратно.

Но я читал стихи и на следующий день, и через день, и позже. Гумилев, Пушкин, Йейтс. Я – не животное в клетке! Я – не машина!

Мне повезло. Меня пока не били. Но зачем пытки? Зачем еще и бить? Здесь все пытка: от раскаленного душа до рыбного скелета на обед, и от прогулки под крышей в каменном мешке до жестких кроватей с матрацем в полсантиметра, словно привезенных сюда специальным рейсом из музея при Петропавловской крепости.

Мы играем в пытки. Они это всерьез.

Можно свитчинуть, переквалифицироваться в нижнего и ловить себе кайф. Я подумывал об этом. Кроме шуток! Такой подход помог бы мне все это вынести. Но для меня он предполагает сознание вины. Мазохистское наслаждение крепко связано с понятием о справедливости

наказания. А потому он опасен. Если я внушу себе, что виновен, и поверю в это, они тоже это поймут. Следак не слепой. Даже не глуп, по-моему. Можно попробовать переключаться перед каждым допросом. Почти шизофрения, раздвоенное сознание. Трудно, но возможно.

Олег Петрович

У них два компьютера: ее ноутбук и его старенький пентиум. Конфисковали оба. Поставили и подключили в моем кабинете. Надо просмотреть сайты. Мне кажется, что это важно. Познакомились через Интернет...

Ее комп новый, вряд ли там есть тот самый сайт. А вот на его – возможно. Я загрузил «Интернет Эксплорер» и вышел в сеть.

Похоже, Маркиз сидел в Интернете по-черному. Чего здесь только нет! Ну, боевые искусства, понятно. «Путь самурая», тоже понятно. Японская культура от классики до мультфильмов; средние века: история, искусство, религия; история Инквизиции, клуб исторического моделирования «Варяг», скандинавская мифология... медицина почему-то... энциклопедия первой помощи. Я почувствовал: тепло. Здесь где-то! Близко!

Сайт «Пытки и казни». Ничего себе! На заставке фотография обнаженной девушки, закованной в цепи. Внутри... гм... историческая информация, но явно перегруженная подробностями.

В списке сайтов осталось всего несколько строк. «www.Caboche.ru». Я открыл. Серый депрессивный фон, слева в углу странный символ, похожий на «инь-янь», но с тремя лепестками (я его уже видел: клеймо) и девиз: «Безопасность, добровольность, разумность». А внизу страницы фраза похлеще: «Боль не может быть неприятной!» В центре красная, истекающая кровью надпись: «Клуб мэтра Кабоша». И цветной рисунок, изображающий палача с плеткой в темном подвале, заполненном орудиями пытки.

Вот оно! Нашел! Начал смотреть: «температурные воздействия», «воздействия электричества», «игры с холодным оружием», «пособие по флагелляции»... Последний термин был мне непонятен. Зашел в «пособие». Оказалось, «порка». «Курс молодого топа». Это еще кто? «Отношения Д/с». «БДСМ и закон». Ничего не понимаю! К счастью, на сайте оказался словарь терминов.

БДСМ – Бондаж Дисциплина Садизм Мазохизм («бондаж» оказался ограничениями свободы, а «дисциплина» игрой в воспитание).

Отношения Д/с – доминирование/подчинение.

Топ (верхний) – садист или доминант, тот, кто приказывает.

Есть еще нижний (боттом). Мазохист, то есть... Или саб, тот, кто подчиняется.

На сайте также имеется форум и клуб знакомств. Туда я заходить не стал. Хотелось вылететь на улицу и срочно глотнуть свежего воздуха. Я подавил это желание, но компьютер вырубил.

Я, кажется, понял, почему «Маркиз».

Позвонил нашему компьютерщику.

– Саш, по сайту можно найти того, кто разместил?

– Без проблем.

– Записывай: www.Caboche.ru. Чтобы у меня на столе лежал его телефон и домашний адрес! И чем быстрее, тем лучше.

Сашка перезвонил минут через десять.

– Олег, а ты до конца-то сайт досмотрел?

– А что?

– А там имя и фамилия автора.

Честно говоря, мне просто не приходило в голову, что они могут там быть.

– И кто это?

– Сергей Лобов.

Тот самый врач, которого назвал Амелин.

Господин Кабош (точнее Сергей Лобов) оказался здоровым мужиком лет сорока. Брать его пока не стали, и разговор происходил в его клинике (омоложение, коррекция фигуры, разглаживание морщин). Нам с Сашкой даже подали чаю.

– Вы знакомы с Андреем Амелиным?

– Да.

– Давно?

– Лет шесть-семь.

– По Теме?

– По какой теме?

– Не делайте вид, что не поняли! пытки, порка и т.д.

– По БДСМ. Интересуетесь? – он хитро взглянул на меня. – У нас много ваших коллег.

– Речь пойдет не о наших коллегах. Не догадываетесь, о чем?

– Понятия не имею.

– Ваш друг признался в убийстве.

– Какой такой друг? Кого?

– Не придуривайтесь, вы же там были. Пока вы свидетель. Пока!

– Я право не знаю, о чем вы. Ольга Пеотровская умерла от сердечного приступа. Андрей позвонил мне, когда ей стало плохо. Я приехал, но успел только констатировать смерть.

– Смерть, значит, констатировали, – усмехнулся я. – Вы поедете с нами.

Надо было сразу снять допрос по всей форме, размышлял я дорогой. Теперь, не дай Бог, будет все отрицать.

На Петровке я несколько расширил круг вопросов.

– В каких отношениях состояли Андрей Амелин и Ольга Пеотровская?

Кабош тонко улыбнулся.

– Они любили друг друга.

– Так! Чем объясняются следы пыток на теле Ольги Пеотровской?

– БДСМ они объясняются. И это не пытки. Вы же ходили на сайты.

– Угу! Любовь жертвы к палачу и палача к жертве! Когда я читал ваш сайт, мне хотелось открыть окно и подышать свежим воздухом.

Кабош улыбнулся.

– А знаете почему?

– Что?

– Почему вам хотелось подышать свежим воздухом. Так я объясню вам как врач. У вас давление поднялось. Потому что вас это волнует.

– Не мелите чепухи!

– Это не чепуха. Что поделаешь! Все люди садомазохисты, только не все об этом знают. Точнее, бояться себе в этом признаться. Но против биохимии и физиологии не попрешь. И лезет из подсознания на полную катушку и цветет пышным цветом в религии, в литературе, в социальной системе. Кроме тех авторов, которые знали, о чем пишут (Маркиз де Сад, Захер-Мазох, Юкио Мисима, Джон Норман) есть еще множество тех, которые не понимают. Из наших доморощенных я навскидку могу назвать человек десять. И не назову только, чтобы людей не подставлять. Из американцев, прежде всего, Дэн Симменс. Он на этой теме настолько стоит, сидит и лежит, что возможно даже понимает, о чем пишет. Роджер Желязны, «Джек из Тени». Вообще для последнего автора Тема не очень характерна, но вдруг ни с того ни с сего он начинает во всех подробностях описывать, как следует вскрывать себе вены. Не читали? Ничего? Ну ладно. Фантастику не все читают. Пройдемся по классике. Цвейг, Тургенев, Дюма. Мэтр Кабош, палач из «Королевы Марго». Да, тот самый, у которого я позаимствовал прозвище. Лекарь и палач одновременно. Это сама по себе очень садомазохистская идея. Верхний дол-

жен обработать раны нижнего после экшн. Так что любой садист одновременно врач. К тому же там палачу пожимают руку, то есть завязывают с ним дружеские отношения. Более того! В романе есть сцена имитации пытки!

– Ну, вы способны увидеть садомазохизм хоть в телеграфном столбе! И руку палачу пожимают в благодарность за лечение. И имитация, как вы говорите, пытки, в благодарность за рукопожатие. И речь здесь ни о садомазохизме, ни о каком, а о великодушии.

– Ну, наконец-то мы нашли книгу, которую вы читали.

– Не читать же мне вашу дребедень!

– А ведь давно читали, лет в двенадцать, ведь так?

– Да, в детстве.

– И так хорошо помните?

– Много раз перечитывал.

– Всю?

– Ну, меня не очень интересовали интриги и любовные сцены.

– Ага! Значит, сцену пытки и, наверное, финальную сцену казни. Как Каконнас вносит ля Моля на руках на эшафот. И как надо рубить голову с одного удара. Ведь так? Сколько раз перечитывали? Пять? Десять? Двадцать?

Кабош улыбнулся с видом врача, только что поставившего диагноз.

«Ухмыляйся, ухмыляйся!» – подумал я. Недолго осталось. Это литературное отступление – далеко не главное в нашей беседе. Главное, что ты там был. Уже после того, как она умерла, говоришь? Ну, это ты так говоришь!

– Пишите: с моих слов записано верно и мною прочитано.

И он подписал. Я вздохнул с облегчением.

Переглянулся с Сашкой (тот смотрел вопросительно). Я покачал головой. Ладно, пусть пока погуляет, никуда не денется из своей пижонской клиники. Свидетель! Пока.

– Вы можете идти.

Я кивнул Сашке.

– Маркиза сюда!

– Садитесь. Как вам у нас нравится?

– Да, спасибо, очень нравится.

– Никаких претензий?

– Никаких.

Я взял сигарету, закурил, откинулся на спинку стула и внимательно смотрю на него. Держу паузу. Он спокоен, если не сказать безмятежен.

– Привет вам от мэтра Кабоша, господин Маркиз.

– А-а, вы уже знаете...

– Да-а, пообщались. Ну, признаваться будем?

Он как-то странно улыбнулся:

– В чем?

– В убийстве.

– Извините, как к вам обращаться?

– Олег Петрович. Волгин.

– Очень приятно.

– Вы листочек возьмите и пишите чистосердечное признание.

– Я не убивал.

– Вы садист, Маркиз!

– Да, конечно. Я в Теме. Но кто вам сказал, что я убийца?

– У вашей девушки, у Ольги Пеотровской, следы пыток по всему телу. А у вас найден набор ножей. Шрамы ведь от них, не так ли?

– Это что экзотика, набор ножей? Ваша жена, не пользуется, когда обед готовит? – усмехнулся он.

– У нее они на кухне. А у вас – в спальне. Почему?

– Во-первых, вы ничего не понимаете. Во-вторых, врать-то зачем, Олег Петрович? Вы ведь не встречались с Кабошем.

– Почему это?

– Потому что тогда вы бы знали, что я невиновен.

– А господин Лобов сказал, что виновен.

– Не может быть!

Я развел руками.

– Значит, может.

– Трудно отвечать, когда вам врут в глаза.

– Не говорите! Трудно! Он все нам рассказал. Если человека запытали до смерти – это что не убийство?

– Да не пытал я ее!

– Да-а? Теперь уже и не пытали. А пять минут назад было сказано «я садист».

Маркиз возвел глаза к небу (точнее к потолку) и тяжело вздохнул.

– Ладно, объясняю популярно. Вам известно, что кроме садистов есть еще и мазохисты?

– Так. Значит запытали бедную девочку, а теперь еще обзываете «мазохисткой»!

– «Бедная девочка» на коленях умоляла меня провести экшн!..

Маркиз запнулся. Похоже, не хотел этого говорить. Раскрутил я его.

– Что такое экшн?

– То, что вы называете пытками.

– И она умоляла на коленях?

– Да. Нижний не может долго обходиться без экшн. Голод. Вроде синдрома абстиненции.

– Нижний?

– Вы хоть бы терминологию изучили, прежде чем со мною общаться. Нижний – это тот, с кем что-то делают во время экшн.

– Пытают.

– Если вам так угодно. Только пытка, на которую идут по доброй воле – это вообще пытка?

– Это вы говорите, что по доброй воле.

– Ну, у Кабоша спросите.

– Спросим.

Маркиз

Я лежу на кровати. Серая подушка без наволочки и такой же матрас (белья так и не дали). Смотрю в стену. Неприятного оттенка зеленая краска, неровная, с бугорками и ямками. На такой не оставить автограф с именем и годом, не оставляют следов ни чернила, ни карандаши. Затем и сделано. Нечего экам портить стены!

Я лежу, положив под голову куртку, и вспоминаю.

Каркассон. Музей Инквизиции.

Мы спускаемся вниз по неровным камням ступеней в полутьму бывшей тюрьмы. Вокруг пыточные станки, орудия казней и восковые фигуры действующих лиц трагедии, развернувшейся здесь в тринадцатом столетии: катары и их враги – инквизиторы.

Катары, альбигойцы, вальденсы – еретики, чуть было не вытеснившие из Лангедока и Прованса официальную католическую религию. Их помнят. В какой бы город южной Франции вы ни попали, вам везде расскажут о катарах и предложат книги и сувениры. Он слаб и не агрессивен, южнофранцузский сепаратизм, зато обладает национальной идеей – катаризм, окситанский язык и трубадурская культура, задавленная после крестового похода против альбигойцев.

Катары были дуалистами, верили в доброго Бога, сотворившего мир духовный, духовные небеса и души людей, и Сатану, творца материи. Отвергали ветхий завет и церковные обряды, у них были свои: консаламентум (утешение) вместо крещения и благословение хлебов вместо причастия. Крещение духом вместо материального крещения водой и утешение души на время земного пребывания в сотворенном Дьяволом смертном теле. Получивший консаламентум назывался другом Божиим, добрым человеком, добрым христианином, но чаще «совершенным». Они отрекались от семейных и родственных уз, давали обет целомудрия и нищеты. Были вегетерьянцами, поскольку верили в переселение душ. Им запрещалось убивать не только животных, но и растения, а сыр и молоко считались дьявольской пищей.

Черная одежда, черные остроконечные колпаки сказочных магов, кожаная сумка через плечо с провансальским переводом Нового Завета – вот приметы странствующего альбигойского проповедника. Они спали в одежде и ходили по двое, никогда не оставаясь наедине: ни во время отдыха, ни в путешествии, ни в молитве. Перед ними растворялись ворота феодальных замков, им несли все лучшее из еды и одежды, зная, что все это сберегут для бедных и больных общины, а сам гордый владетель прислуживал им за столом.

Последователи гностиков, они любили аллегорические и мистические трактовки священных книг: «хлеб наш сверхъестественный», вместо «хлеб наш насущный», воскрешение Лазаря – освобождение из духовной гробницы мрака и греха. Христос же – совершеннейший из ангелов божиих, а Мария Магдалина – то ли жена его, то ли возлюбленная.

В боговоплощение не верили, крест презирали как орудие казни, а любое пролитие крови считали негодным Богу. Потому не могли воевать. Сражались сочувствующие, не прошедшие консаламентум.

Безнаказанными не остались. Каркассон был взят войсками крестоносцев, граф Раймунд-Роже Транкевель, когда-то издавший указ: «Предлагаю город, крышу, хлеб и мой меч всем, кто преследуем, кто остался без города, крыши и без хлеба», был закован в цепи и посажен в темницу собственного замка, где и умер через три месяца.

В тысяча двести тридцать третьем году Папа Григорий IX направил агентов в Каркассон для разоблачения еретиков, и цитадель стала «крепостью инквизиции». Еще четыреста лет инквизиция будет проводить «акты очищения от скверны». Для этого по приказу короля Филиппа Смелого, сына Людовика Святого, в Каркассоне была построена башня инквизиции.

Презируя смертное тело и земную жизнь, катары допускали самоубийство, чтобы избежать соблазна или пыток инквизиции. Они убивали себя голодом, резали вены в ваннах, принимали яд или толченное стекло. Но был и более достойный конец. «Совершенные» надеялись на возвращение в горную отчизну, где нет ни печалей, ни страданий, ни смерти и тления и радостно шли на костер.

Они поистине нашли друг друга: катары с их смирением, аскетизмом и страстью к саморазрушению и инквизиторы-доминиканцы с их изощренными орудиями пыток.

Здесь прохладно, в каменных подвалах, скрытых от палящего солнца Midi¹.

Мы осматриваем экспонаты. «Ведьино» кресло. Сиденье, спинка и подлокотники утыканы острыми шипами.

– Человека привязывали к нему, – рассказываю я. – И он пытался держаться на расстоянии от шипов, пока у него хватало сил. Когда силы иссякали, он падал, и шипы вонзались в тело. Боль заставляла подниматься, но не надолго, до нового падения.

Жюстина слушает заинтересованно, глаза горят и чуть дрожат губы.

– Шипы такой длины, чтобы причинить сильную боль, но не нанести серьезной травмы, – продолжаю я. – Измученной длительной болью, человек, как правило, признавался во всем.

Знаменитая железная дева напоминает куклу в сарафане. Над коническим «платьем» – лицо, круглое и равнодушное. Изнутри конус утыкан шипами. Механизм действия почти такой же. Жертву помещали туда и постепенно закрывали «сарафан». Шипы вонзались в тело.

«Пояс святого Эльма». Это железный пояс, утыканный шипами по внутреннему периметру, тяжелая цепь отходит от него и крепится к кольцу на стене, пояс закрывается на висячий замок, вполне классический. Святому Эразму (или Эльму), христианскому мученику четвертого века откровенно повезло, что его имя ассоциируется не с этим орудием, а с огнями на верхушках мачт кораблей. Хотя и огни считают дурным знаком.

– Сплошные шипы, – замечает Жюстина. – Фрейд бы прыгал от радости.

– Это только начало, – усмехаюсь я. – Есть орудия и пооткровеннее.

Классические «испанские сапоги», пожалуй, наименее эротичное из представленных здесь орудий.

– Первоначальная методика описана в «Королеве Марго», – говорю я. – Голени жертвы сдавливали досками, забивая между ними железные или деревянные кольца, расплющивая мышцы, дробя кости и ломая суставы. В Германии, в семнадцатом веке, устройство усовершенствовали: доски заменили железными обручами, которые стягивали с помощью винтов. Существовала и другая интерпретация, во вполне фрейдистском духе: металлический башмак с острым шипом в центре, который мог выдвигаться при помощи винта. Он надевался на ногу обвиняемого, и винт закручивался, прокалывая стопу.

Мы спускаемся на пару ступеней и оказываемся в следующем зале. Он продолжает испанскую тему. На крестообразной опоре узкая деревянная плита с заостренным верхним краем: «Испанский осел», он же «Деревянный пони», он же «Кобыла».

– Человека раздевали и усаживали на острую верхнюю грань, – поясняю я. – К ногам подвешивали дополнительный груз. Жертва подтягивалась к потолку веревкой или цепью, что позволяло регулировать давление. Заостренная грань раздавливала яички, впивалась в половые органы женщины или анальное отверстие, ломала крестец.

– Положительно, все изобретатели этих орудий были сексуальными маньяками, – заметила Жюстина.

Кто бы говорил! Я вижу, как ты раскраснелась, как участилось твое дыхание, я беру тебя за руку, чуть сжимаю пальцы в горячей ладони. Я и сам недалеко от них ушел.

¹ Юг (франц.), дословно «полдень».

– Доминиканцы были суровым орденом, который бывший папский посланец и будущий святой Доминик де Гусман придумал в подражание своим оппонентам катарам и в противовес им. Вероятно, у бедных монахов не было другой возможности реализовать свои сексуальные фантазии, только в отличие от альбигойцев они были склонны к садизму, а не к мазохизму.

Под сводчатым потолком стоит трехгранная пирамида на трех опорах. Над ней – кольцо, прикованное длинными цепями к стенам и потолку. «Кресло Иуды».

– Жертва подвешивалась с помощью кольца, – объясняю я. – И помещалась на вершине пирамиды, так чтобы вес тела вдавливал острый конец в анус, во влагалище, в мошонку или под крестец. Давление можно было варьировать от нуля до веса всего тела. Подозреваемого могли подвесить неподвижно или сбрасывать на острую грань раз за разом. В последнем случае пытка часто приводила к смерти. Кстати, современная вещь, используется до сих пор, например, в некоторых странах Латинской Америки. Часто усовершенствованный вариант, с присоединением электродов к запястьям и верхней части пирамиды.

В следующим зале нас ждут орудия поменьше, они расставлены в витринах с подсветкой и прихотливо украшены литьем и узорами по металлу.

– А это зачем? – удивляется Жюстина.

– Оральные и анальные груши, а вот эта побольше – вагинальная.

Действительно, похоже на грушу, с литой рукояткой вместо черенка.

– Вводили в рот, анальное отверстие или влагалище. При закручивании винта, сегменты груши раскрывались, разрывая внутренние органы. Смертность практически стопроцентная. Острые концы сегментов впивались в стенку кишки, глотку или шейку матки. Оральная груша применялась для допросов еретических проповедников, анальная – обвиняемых в гомосексуализме, а вагинальная – женщин, заподозренных в интимной связи с Дьяволом. Зачастую люди признавались во всех смертных грехах сразу после введения груши, от одного страха. И потом все они были казнены. Говорят, она применяется и в наше время, правда, без средневековых красотей, проще и грубее.

Мы долго бродили по музею, вновь и вновь возвращаясь к тем орудиям, которые заставляли наши сердца биться чаще, губы трепетать, и сладкой истоме разливаться снизу вверх вдоль позвоночника.

Садомазохизм изобрел уж точно не маркиз де Сад. Задолго до века Просвещения в средневековой Франции все это уже знали господа доминиканцы.

Мы не одиноки. Не у нас одних горят глаза. Музей хорошо посещаем, билеты перед входом разлетаются на ура. И публика ходит по музею и прячет горящие взгляды. Мы отличаемся от них только тем, что решились воплотить наши мечты.

Мы вышли на улицу. Я взял ее руку: горячая и чуть-чуть дрожит. Тяжело дышать, сердце бьется почти у горла. Жарко, градусов сорок.

– Ты хочешь?

– Да.

– У нас ничего нет.

Мы оставили девайсы в Москве, опасаясь досмотра багажа. Таможенники могут удивиться. Можно просто заняться любовью, но обычный секс кажется скучным и пресным по сравнению с экшн. Ваниль она и есть ваниль: ни вкуса настоящего, ни цвета.

– Пойдем!

Небольшой готический храм у крепостной стены. Мы вошли внутрь. Там гораздо прохладнее, но это почти не помогает. Она подходит к лотку со свечами, покупает небольшую, белого цвета, и улыбается. Я думаю, что с такой улыбкой в церковь не пускают.

– Жюстина! Ты гений! купи еще пяток.

– Я столько выдержу?

– Ну, на будущее.

Дорога от замка украшена флагами французских городов. Ярко-красный с золотым крестом флаг Тулузы. Остальные – мимо! Мы летим в гостиницу, почти не замечая пути.

Уже на подходе я вспомнил еще об одном. Слава Богу, нашлась аптека!

– Заходи! – скомандовал я.

– Да, ладно! Давай побыстрее!

– Безопасность прежде всего. Я за тебя отвечаю. Кто из нас государь, а кто подданный?

К счастью здесь у них всегда все есть, а французский я знаю неплохо.

– Monsiuer, du baume pour des brûlures et de l'antiséptique...²

Продавец кивнул.

Я размышлял, не нужно ли чего-то еще. Жарко. Давление может подняться.

– Et de l'anapriline aussie.

– Quoi?³

Вот черт! Названия лекарств не совпадают!

– Quelque chose pour l'abaissement de la tension.

– Sur l'ordonnace du docteur⁴.

Чертов европейский совок! Патерналистское общество. Воистину, Россия – самая свободная страна мира.

Я вздохнул. Ладно. Это только на всякий случай. Пока эксцессов не было.

Мы расплатились и вышли.

В номере работает кондиционер. Хорошо работает. Замечательно! Даст Бог, анаприлин и не понадобится.

Я поставил на стол тарелку и положил на нее свечи.

– Жюстина, раздевайся и в постельку.

Она с готовностью подчинилась и залезла под одеяло.

– На живот. Руки под подушку.

Я спускаю одеяло до ямочки между ягодицами и любуюсь ее обнаженным телом. Следов предыдущего экшна почти не осталось. Еще бы! Неделя прошла. Все зажило. Только шрамик на правой ягодице, но это давно. Мой недосмотр. С нижнего нечего спрашивать, он себя не контролирует. Вся ответственность на верхнем – это мне здорово вбил в голову мэтр Кабош.

Я нежно-нежно провел рукой по ее спине от шеи к копчику и почувствовал, как она затрепетала под моей рукой.

– У нас спички есть? – шепотом спрашивает она.

– Тьфу, блин! Курить, что ли начать?

– Спустись вниз. Там наверняка можно купить... только побыстрее.

– Мигом.

Спичек я не нашел, и, не мелочась, купил зажигалку. Она ждала. Вымыл руки, зажег свечу. Подождал, когда растопится парафин и скопится маленьким озером возле фитиля. Пододвинул стул к ее кровати.

– Ну, придется немного потерпеть.

Я наклонил над ней свечу, для начала в полуметре над кожей: воск стек ей на спину. Она вздрогнула и укусила подушку, чтобы не кричать. Да ну! Не больно, я пробовал. Тепленький парафинчик. Не больше шестидесяти градусов. У фитиля немного погорячее.

Жду, когда скопится очередное озеро.

– Жюстина, еще чуть-чуть.

² Месье, мазь от ожогов и антисептик.

³ – И еще анаприлин– Что?

⁴ – Что-нибудь для понижения давления.– По рецепту врача.

Она вздрагивает под очередной каплей.

Еще и еще. Десять сантиметров, пять. Вообще-то пережимаем. Уже небезопасно, говорят, в церковные свечи добавляют хоть каплю пчелиного воска, а у него температура плавления выше.

Ну, теперь ждать. Три-пять минут. Чтобы эндорфины начали выделяться в кровь. Потом можно развлекаться на полную катушку. Я посмотрел на часы.

Она задышала ровнее и расслабилась.

– Все, мой государь. Давай! Можно.

– Подожди! Еще немного.

Через две минуты мы начинаем. Точнее начинаю я. Дело нижнего расслабиться и получить удовольствие. Вся работа – на верхнем. Недаром, маркиз де Сад, выпоров своих шлюх, заставлял их пороть себя. Оно круче, хотя и приходится вначале немного потерпеть. Думаю, процентов восемьдесят кайфа приходится на долю нижнего. Но я пока не собираюсь менять амплуа. Попривык как-то.

Жюстина стонет и извивается под каплями жидкого воска. Наверное, соседи за стеной решили, что мы трахаемся. И хорошо. Иначе не поймут.

Я лью без зазора, прямо с края свечи на тело, и пламя почти касается ее кожи. Черт! Надо бы связать. Так она тратит энергию на то, чтобы давить рефлексy и не метаться от огня, и не может по-настоящему расслабиться. Хотя свечка – тоже ничего особенного. Совал я в нее пальцы – вполне терпимо. Если недолго.

– Перевернись!

Привязать не к чему. Кровати в «Ситадине» со сплошными деревянными спинками, низкими и неудобными. Да и нечем. Хотя... На белом брючном костюме Жюстины есть шелковый декоративный шарф.

– Подожди немного.

Я выдрал шарф из ее костюма. Вернулся.

Она улыбнулась:

– Только не сожги.

– Не беспокойся.

Завязал ей глаза.

По капле на соски. С полуметра, не ниже. Три капельки в ложбинку между грудями. Три капли на живот и возле пупка. Идем дальше. Волосы пробиваются на лобке. Непорядок. Для наших игр нужна гладко выбритая кожа, иначе воск придется оттирать вместе с волосками. Ладно. Не сейчас.

Капелька на клитор.

Ножи тоже остались дома. Прекрасный набор из десяти ножей: от тупых до сравнимых остротой с мечом самурая. Здесь только столовые (в номере есть набор посуды). С завязанными глазами, впрочем, все равно.

– Подожди!

Нет ничего хуже ножа с неизвестной степенью заточки. Я дезинфицировал нож ее духами, попробовал на ребре ладони. Практически тупой. Хлеб резать еще сгодится, но не более того. Как раз то, что надо.

Возвращаюсь к ней. Нож скользит по внутренней стороне бедер. Она вздрагивает. Поднимаюсь выше. Крошатся лепешечки застывшего воска. Лезвие касается сосков.

Мне нравится игра с холодным оружием. Ей тоже. Но я ее ни разу даже не поцарапал. Не знаю, как среагирую на кровь. Боюсь разбудить в себе чудовище. Хотя, думаю, страх иррациональный. Я же не животное, чтобы пьянеть от вида крови.

Раздвигаю ножом половые губы, острие скользит к клитору. И вот, она сжалась и завибрировала под моими пальцами.

Так мы израсходовали полсвечи, поиграли с ножом и обошлись без банального секса.

Она потянулась, как кошка, и сделала попытку встать. Я удерживаю ее.

– Куда? А раны обработать?

– Да, какие там раны!

– Ты их сейчас не чувствуешь. Но это не значит, что их нет. Лежи, я сказал.

С антисептиком и противоожоговой мазью я управляюсь почти профессионально. Научил мэтр Кабош, спасибо. Ожоги первой степени – небольшое покраснение кожи. Хорошо. Если появляются волдыри – это уже не квалифицированный садизм – это уголовщина. (Уже через год у меня было другое мнение по этому поводу).

– Государь мой, как же я тебя люблю! – говорит Жюстина. – позволь мне поцеловать тебе руки.

Она всегда целует мне руки после экшн.

– Я не закончил.

Она терпеливо ждёт. Потом берет мои руки за кончики пальцев, как драгоценность, и целует каждый палец по отдельности, последовательно, трижды, каждую фалангу.

Прижимает мою руку к щеке.

– Как же я тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю, Жюстина. Все, лежи!

Я встаю и иду готовить ужин. Сейчас ей лучше отдохнуть. Мы оба в эйфорическом состоянии, но организм лучше не перегружать, особенно ее.

– У нас что, сатурналии? – спрашивает она. – Господа прислуживают рабам?

– Государь обязан кормить подданных.

– Не в качестве повара.

– Не спорь. Лучше опиши мне сабспейс. Это приказ.

Мы живем в студии, то есть комнате с кухней в одном бокале. Так что можем спокойно трепаться, пока я готовлю.

– Похоже на состояние медиума во время сеанса, – говорит она. – Я рассказывала тебе, что развлекала народ подобным образом?

– Да, я помню.

– Или на медитацию, при которой надо сосредоточиться в точке. Все вокруг исчезает и погружается в туман, кроме этой точки. Кроме твоего лица.

Она вскакивает, накинув халатик, бросается помогать мне.

– Мне летать хочется, а ты говоришь «лежи!». Катарсис после жертвоприношения, рука милости после пытки, рай после чистилища – вот что такое «сабспейс».

– А в Вене есть музей истории города, – говорит она. – Там я видела меч палача, широкий такой и с закругленным концом, странный. Никогда не спутаешь с боевым. И еще там была книга огромная, как богослужebное Евангелие, толстенная, как энциклопедия. Лежит под стеклом, открытая на странице со средневековой гравюрой, где с немецкой точностью все подписано и снабжено комментариями и сносками. «Учебник палаческого искусства».

– Ого! – отзываюсь я. – Полцарства за коня!

– В Интернете, наверное, есть.

– Посмотрим!

– Слушай, я все вспоминаю Железную Деву. Почему мы никогда не использовали иглы?

– Я акупунктуры не знаю. Опасно: в сосуд можно попасть, или в нерв.

– Спроси у Кабоша.

– Хорошо, спрошу.

Новый Год. Бал. Серое здание советского НИИ наплывает на нас из тьмы. У входа – елка с гирляндой, медленно разгорающейся красным, зеленым, синим. Охрана смотрит изучающе.

– Извращенцев принимаете? – весело спрашивает Жюстина.

– Третий этаж, налево, – привычно кивает охранник.

По всему залу горят свечи. Играет музыка. Честно говоря, довольно попсовая: Витас, Мадонна, Manowar. Но на наш вкус не угодишь, терпим. Буквой П стоят столы. Киваем знакомым.

На Жюстине черный кожаный комбинезон со шнуровкой. Красная шнуровка, как разверстые раны, спереди, по рукавам, по бокам. ИМХО, очень красиво. Высокие каблуки Жюстина терпеть не может. Поэтому компромиссный вариант: черные невысокие сапожки.

На мне черные кожаные брюки и кожаный жилет поверх черной шелковой рубашки. Вид мрачноватый и вполне палаческий. На левой руке – кожаный браслет с заклепками. У Жюстины – такой же на правой. Сторона имеет значение. Любые аксессуары слева говорят о том, что ты – Верхний, справа – нижний. Впрочем, всегда можно обвеситься побрякушками с двух сторон, имя в виду, что ты свитч, меняющий роли. Происхождение традиции неясно, однако существует легенда, что во время «золотой лихорадки» в Сан-Франциско в тысяча восемьсот сорок девятом году женщин настолько не хватало, что мужчины были вынуждены играть женские роли во время танцев в барах и носили банданы в левом или правом заднем кармане брюк в знак того, ведут они сегодня в танце или ведомы. Первоначально эта традиция использовалась геями и означала активного или пассивного партнера, а потом была заимствована БДСМ-сообществом.

Слева на поясе у меня висит перочинный нож (игры с холодным оружием). Если его дополнить красным шейным платком, окружающие решат, что я люблю фистинг или игры с кровью.

Цвет тоже немаловажен, хотя я не встречал в русской БДСМ-тусовке строгого следования цветовой символике. Но все же, если вы не гей, голубую рубашку надевать не стоит. С розовым тоже не шутите, этот цвет означает пытки сосков, а теплая гамма от желтого до коричневого – пристрастие к малоаппетитным развлечениям, имеющим общее название «туалетные игры».

Браслет из толстой веревки на правой руке говорит о желании быть связанным, а веревочный бантик на левом лацкане – самому кого-нибудь связать.

Плетеный кожаный браслет или брелок в виде плетки – символ флагелляции. Впрочем, Кабош носит у пояса настоящий, скрученный несколько раз, здоровый кнут.

Малюсенький пучок березовых розог вместо цветка в петлице – знак любви к дорогому отечеству и его славным традициям, например, русскому национальному виду порки «березовая каша».

Есть еще один символ, общий для всего БДСМ-сообщества. Это трискель. Он похож на трехлучевую свастику или символ инь-ян с тремя лепестками. Злоупотреблять им не следует, чтобы не сочли за всегдашнее. Его мало кто носит. Я знаю двоих.

Дресс-код. Тематическая одежда. Атласные платья с открытыми спинами, высокие каблуки, черные чулки. Кожа, латекс, ПВХ.

Впрочем, на вкус и цвет... Мы как-то выпендрились, притащились на вечеринку в кимоно и с мечами – нормально.

Впрочем, здесь тусовка терпимая. Мэтр Кабош почти либерал. Д/с не любит, рабынь не имеет. Правда, у него сразу четыре боттома. Но это уж как кому нравится.

Потанцевали, насмотрелись на мужской и женский стриптиз. Того и другого много и иногда со вкусом.

Садимся за стол. Жюстина вопросительно смотрит на меня. Вассал обязан испросить у государя позволения сесть. Я небрежно указываю на стул рядом с собой.

Вина нескольких стран на выбор. Неплохо. Мы остановились на Прованском розовом в память о нашем южнофранцузском путешествии.

Удовлетворив первый голод, народ повеселел и начал развлекаться тушением свечек кнутом. Ритмичные, как во время экшн, удары бича. Я не большой мастер этого девайса, но тоже пробую. Со второго раза. Даже у Жюстины получается.

В соседней комнате девушку поливают воском. Она обнажена и привязана ремнями к столу. На лице – кожаная маска, полностью скрывающая черты. Ноги разведены. На бедрах и на плечах горят свечи. Маленькие, тонкие, как на торте. Ее верхний по прозвищу «Господин рабов» предлагает такие же свечки всем желающим: можно зажечь от тех, что уже есть, и покапать на «жертву», можно укрепить на ее теле, добавив свою лепту к украшению «тортика». Моя свеча не крепится ни в какую. Вопросительно смотрю на хозяина девушки (свечи на плечах сидят, как влитые).

– Они на иглах, – тихо говорит он.

У Жюстины загораются глаза.

– Я тоже так хочу. Ты же обещал спросить у Кабоша!

Господин рабов тонко усмехнулся. Его усмешка говорит: «Распустил рабыню!»

– У нас не Д/с, – упрямо говорю я.

– А я слышал, что у вас более ЛСный Д/с, чем у Посланников Вечности.

– Вассал и раб – не одно и то же.

Девушка стонет.

Я оборачиваюсь. Жюстина капает на нее воском, улыбаясь, как развратницы Сада. Она прекрасна. Девушка кончает под каплями воска с ее свечи.

– Из тебя неплохой топ, – шепчу я Жюстине. – Свитчуешь?

– С тобой – никогда.

Я задумываюсь. Среди женщин очень много свитчей.

...Кажется, тогда же или чуть позже Жюстина заговорила о брэндинге.

– Я хочу всегда чувствовать, что принадлежу тебе.

«Ну и что вы будете делать, когда она протянет вам раскаленное железо для клеймения?» – вспомнил я реплику из какого-то Тематического треда. Нет, удар меня не хватил. Но свыкнуться с этой мыслью удалось не сразу.

– Вассалов не клеймят ни в одной культуре, – заметил я. – Парашютным спортом никогда не увлекалась?

Она улыбнулась:

– Нет. Ничем экстремальным. Разве что экстремальным бизнесом.

И я понял по тону, что последнее гораздо опаснее.

Мои размышления прервал окрик тюремщика.

– На «А» фамилия!

– Амелин, – устало отозвался я.

– С вещами на выход!

Я взял куртку и полбуханки хлеба, выданного на обед (здесь это очень ценная вещь), и вышел из камеры.

Олег Петрович

Я почувствовал слежку уже в начале бульвара. Обернулся. Ничего особенного. Старушкаковыляет из магазина, парень выключает сигнализацию на пульте и открывает дверь машины, девушка стоит возле рекламного щита и курит, мамаша с коляской на бульваре.

Нервы, что ли?

Прошел еще метров сто. Ощущение взгляда в спину не пропало.

Останавливаюсь, делаю вид, что изучаю рекламу на кинотеатре «Россия» (то бишь «Пушкинский») и прикидываю, не перейти ли на ту сторону.

Девушка стоит под фонарным столбом и разговаривает по сотовому. Та самая! Так я и поверил, что ты тут давно! Только что остановилась!

Одета во все черное. Черные сапоги на шпильках. Героическая женщина! Это же еще выстоять надо – на улице каток! Черные обтягивающие брюки, короткая дубленка с пушистым мехом и черные пышные волосы. Головной убор отсутствует.

Ладно. Последний тест.

Медленно иду дальше, к пересечению с Большой Дмитровкой.

Если бы не плотный поток машин, заглушающий и более громкие звуки, я бы сказал, что слышу шаги за спиной. Невозможно их услышать! Но я их чувствую.

– Олег Петрович?

Девушка почти бежит ко мне, чудом умудряясь не поскользнуться на обледенелом тротуаре. Я жду.

– Вы Олег Петрович?

– Именно.

– Пойдемте! Это вас интересует.

Властно так сказала, королева хренова! Словно всю жизнь мужиками командует. Повернула на Дмитровку и махнула мне рукой, мол, иди. Даже не обернулась.

– А вы, простите, кто? И что должно меня заинтересовать?

– Кто? Не важно. Заинтересовывать буду не я. Речь пойдет о деле Маркиза.

Мы зашли в дверь под вывеской «Русское бistro». Сняли верхнюю одежду, и я застеснялся дешевого свитера. Наверное, это заведение средней паршивости, забегаловка с бизнес-ланчами, но для меня и «Макдональдс» дорог.

В зале, за одним из круглых столиков, сидит мэтр Кабош.

– Добрый день, Олег Петрович! Присаживайтесь.

Перед мэтром – штоф водки и тарелка с неким вторым блюдом.

Я сел.

– Что вы хотели мне сказать?

– Вы что предпочитаете? Осетрину на вертеле? Форель? Или мясное что-нибудь?

– Я сыт.

Хотелось добавить «вами по горло!»

– Не обижайте, Олег Петрович! Я плачу. Водочки?

– Не пью.

– Да я вообще за рулем. Чуть-чуть!

Я осмотрелся. Кабошева подруга села одна за соседний столик и потупила глазки.

– Джин, закажи себе что-нибудь, – снизошел Кабош. – Что хочешь. Только без спиртного.

– Спасибо, мэтр, – девушка счастливо улыбнулась.

Достала пачку сигарет и с опаской взглянула на мэтра.

– Джин, нет.

Взяла сумку, чтобы положить сигареты.

– Джин, видишь, там мусорное ведро у туалета?

Девушка встала, подошла к туалетной двери, и пачка сигарет полетела в мусорное ведро.

У меня отпала челюсть. Джин повиновалась, словно кукла на веревочках.

Водка приятно согрела горло. Сам не заметил, как отхлебнул.

– Помогаю ближнему бросить курить, – улыбнулся Кабош. – Трудное дело. Самому тяжело пришлось.

Подошел официант, и передо мной опустилось здоровое блюдо с осетриной на вертеле, жареной картошечкой, свеколкой, помидоркой и прочими украшательствами. Клянусь, я ничего не заказывал!

– Так что вы мне хотели сказать?

Я сложил руки над тарелкой, не притронувшись к еде.

Кабош вздохнул.

– Нам бы не хотелось чрезмерного внимания властей к нашему сообществу. Мы и так, как в осаде. Лесбиянок и тех с работы увольняют, а что уж о нас говорить! Что скажет среднестатистический обыватель, услышав о том, что мы делаем? В лучшем случае «Брр!», а то и «Какой ужас!»

– Я тоже среднестатистический обыватель.

– Вы кажетесь мне умным человеком, а умные люди, как правило, более терпимы к иным, чем они.

«Интересно, сколько он мне предложит?» – подумал я.

– Я надеюсь, что вы хотя бы попытаетесь нас понять, – продолжил Кабош.

– Три дня назад вы утверждали, что все люди – садомазохисты, а теперь упрашиваете понять вас несчастных оригиналов.

– Все люди – садомазохисты в том смысле, что у всех (или почти у всех) есть садомазохистские фантазии. Это не особенность «несчастных оригиналов», а адаптивная программа, выработанная в процессе эволюции. В критической ситуации организм не должен сосредотачиваться на боли. Поэтому боль в этих фантазиях не воспринимается как нечто неприятное, а как раз наоборот. Так всем людям (а не только бегунам и авантюристам) сняться сны о том, как они убегают от преследователей. Это другая адаптивная программа. Но фантазировать и видеть сны и осознать собственные садомазохистские наклонности – далеко не одно и то же. Мало кто даже догадывается об этом, признаются хотя бы себе – единицы... Олег Петрович, Маркиз, конечно, не убивал Жюстину, но они оба принадлежали к сообществу.

– Это я уже слышал!

Я встаю из-за стола.

– Олег Петрович! Жюстина вела дневник! Садитесь! Попробуйте, осетрина весьма неплоха.

Сажусь и принимаюсь за угощение. Чего добру пропадать? Про дневник было интересно.

– Он у вас?

– Нет, что вы. Поищите в ее вещах.

– Вы его читали?

– Отрывки. Кое-что она публиковала в Интернете.

– Публиковала?

– А что вас удивляет? Там еще несколько ее рассказов лежит. Реконструкция пыток.

– А что вы можете сказать о ее дневнике?

– Там все есть. История их знакомства. Тематические пристрастия. Описания экшн. Они практиковали в основном термо (игры с воском), плейпирсинг, элементы Д/с, немного флагелляцию.

– Порки?

– Именно, – Кабош улыбнулся. – Это старинная аскетическая практика, применявшаяся в христианских монастырях начиная с первого тысячелетия.

– Хм...

– Таким образом, монахи достигали мистического экстаза. Бичевание или самобичевание. В тринадцатом веке появилась секта флагеллантов. Толпы кающихся с плетками ходили по городам Европы, бичуя себя и друг друга на папертях церквей и собирая все новых сторонников. Впереди таких процессий шли священники с хоругвями и крестами, и бичевание проходило под пение псалмов. В Испании к флагеллантам присоединялись влюбленные и многократно усиливали самоистязания у балконов возлюбленных. Наши русские хлысты практиковали бичевание во время радений. «Дисциплину» очень любили и активно практиковали иезуиты. Так что Маркиз де Сад ничего нового не придумал и прославился только благодаря литературному таланту.

Он выкладывает на стол книгу, обернутую в страницу из глянцевого журнала с рекламой французского коньяка.

– Прочитайте. Возможно, это убедит вас в том, что мы заботимся о безопасности, и нанесение каких-либо серьезных повреждений организму или, тем более, убийства ни в коей мере не входят в наши планы.

Снимаю коньячную рекламу. Под ней, на обложке, черным по темно-серому, изображен мужчина в палаческой одежде с кнутом в руке, и написано: «Садомазохизм: путь плети (пособие по флагелляции)».

Возвращаю обложку на место, беру книгу. Последняя страница как-то далековато отстоит от предпоследней. Кладу книгу на стол, приоткрываю последнюю страницу. А, вот оно! В книгу вложен довольно толстый конверт. Интересно, сколько там? Штука точно есть. Возможно, больше.

Соблазнительно, конечно. Основных возражений два: компания против «оборотней в погонах» и депутат Пеотровский.

– Депутат Пеотровский, конечно, влиятельный человек, – тихо говорит Кабош. – Но ведь скоро выборы. Что-то там дальше будет?.. – он развел руками.

Я улыбнулся.

– Депутат Пеотровский лично против вас ничего не имеет.

– Против меня?

– Конечно. Вы у нас проходите как сообщник.

– Сообщник!?

Любуюсь произведенным впечатлением.

– Вы же там были...

– Ну и что? Я врач.

– Это точно. Врач от слова «врать».

– Вы что, серьезно?

Выразительно смотрю на книгу.

– Почитаю, пожалуй... Может быть, вы и правда не при чем. Но по поводу Маркиза ничего обещать не могу.

Я опустил книгу в портфель и встал из-за стола. «Оборотни в погонах» – это те, кому не повезло. Из меня мало интереса делать «оборотня», я человек маленький. И дело негромкое. И интересы господина Пеотровского я блюду. Кабоша мне не заказывали.

Вышел на улицу, закурил. У тротуара припаркованы многочисленные иномарки. Интересно, какая Кабошева.

Шагах в двадцати, за ближайшей церковкой, дождался появления Кабоша с подругой. Они сели в темно-серый мерседес.

Кабош

Мерседесу лет пятнадцать, и куплен он лет пять назад, но, благодаря современному дизайну, еще может произвести впечатление на лоха.

Мучительно хочется курить. Но не далее, как сегодня утром, я совершил с собственными сигаретами то же садистское действие, которое приказал совершить Джин.

Вот это номер! Хотел откупить Маркиза, а откупил себя! И денежки, собранные для Андрея, ушли налево. Я бы ни хрена не поверил этой ментовской сволочи, если бы у меня на столе не лежала актуальная книга Льва Доктора «Выжить за решеткой» с историей о том, как человек был осужден за изнасилование, проспав всю ночь в соседней комнате. Так что угроза г-на Волгина не так уж нереальна.

Если бы только мои были деньги – я бы плюнул. А так нет! Надо искать ходы. Может быть, зря я полез на пролом? Черт! Думать невозможно ни о чем, кроме курева!

– Господин, Маркизу убийство с особой жестокостью предъявляют?

– Да, вроде...

– А за это «вышку» дают?

– У нас за все дают, было бы желание. Запишут, что он ее сначала изнасиловал – и дадут.

– Угу! После пяти лет совместной жизни!

– Ну и что? На Западе это уже не аргумент. Одна надежда на мораторий.

Машина плохо слушается. Скользко! Выпил-то совсем чуть-чуть. Нервы!

Выехали, наконец, за город. Рязанское шоссе. Я свернул на обочину и остановился.

– Так, Джин, сегодня ты вынула пачку сигарет и собиралась курить.

Джин вздохнула.

– Договор был? Ну? Не слышу?

– Был.

– Выходи из машины.

Она подчинилась. Вышла, встала у двери.

Я вылез с другой стороны.

– Вперед. Пять шагов по обочине. На колени в снег. Не подниматься! Десять минут.

Мимо проезжают машины. Может быть, водителей и удивляет вид коленопреклоненной девушки на обочине дороги, но никто не останавливается.

Я отошел шагов на пятнадцать, заметил время. Может все-таки закурить? Она не посмеет поднять глаза и обернуться. Нет! Какой я Господин буду после этого, если сам себе не Господин.

В общем-то, это не есть правильно. Не за сигареты наказываю, а за свою неудачу. Зло срываю! Гнать надо из Доминантов. Зря десять минут назначил – еще простудится. Но сокращать срок наказания – последнее дело!

Наконец, минутная стрелка одолела шестую часть круга. Подхожу к Джин, она поднимается, опираясь на мою руку, целую в лоб.

– Прощена. Пойдем.

Усадил в машину. Поехали.

Она кашляет.

– Приедем – напою молоком с медом, а то мне за тебя «вышку» дадут. Убийство путем доведения до воспаления легких.

Не такое уж абсурдное обвинение, если вспомнить членов секты альбигойцев, которые кончали самоубийством очень похожим образом: ложились на холодный каменный пол и провоцировали у себя пневмонию. Даже особый термин существовал – эндура.

– Я его терпеть не могу, – услышал я голос Джин.

- Что?
- Молоко с медом.
- Тебя не спрашивают. Аллергия есть?
- Нет.
- Значит выпьешь.

Пока Джин сидела, укутанная в плед, под строгим приказом с места не вставать и на улицу не соваться и пила ненавидимый ею напиток, я вышел в сад и все-таки закурил (нашлись-таки в доме полпачки). Решение пришло почти сразу. Теперь я знал, что делать.

Маркиз

Камера почти такая же, но народ отличается разительно. Худые лица с заостренными чертами, жесткие взгляды и руки в наколках. Один пониже и поуже в плечах, но глаза хитрые и злые. Второй выше, амбал этакий. Вот и вся разница.

Правозащитник Абрамкин в свое время писал, что в советской тюрьме девяносто процентов случайных людей. Эти – из оставшихся десяти.

– Здравствуйте! – вежливо сказал я.

– Здравствуй, здравствуй! – ответил высокий.

Хитрый молча кивнул.

Я направился к свободной кровати.

– Что ж ты тряпочку-то перешагнул? – усмехнулся низкий. – А ноги вытереть?

– Извините, не заметил. На вас смотрел.

– Что интересно?

– Всякий человек интересен.

– Не-ет! Петух не интересен.

– Это я что ли «петух»? Ну, давай возьми, если я тебе приглянулся!

– Давай, Вась! Ты первый, – бросил амбалу.

Сила у Васи есть, но практический опыт явно ограничивается уличными драками «стенка на стенку», а школы никакой. Его грузное тело мешком брякнулось на пол, и я заломил ему руку.

– Пикнешь – сломаю!

– Не так быстро, парень! – перед моим носом сверкнул нож, и я встретился глазами с хитрыми глазками маленького.

Только бы планка не упала!

Бросаюсь на пол, уворачиваясь от ножа, тело изгибается – прыгаю на ноги, запястье низкого трещит в руке.

Терпеть боль он не умеет. Нож со звоном упал мне под ноги. Я молниеносно наступил на него.

– Ну, что руки ломать или так договоримся?

– Договоримся, – с досадой ответил маленький и сплюнул на пол.

– Тогда вопрос первый: что про меня наплели менты, что вы подрядились меня опустить?

Вариант: сколько заплатили? Вариант: что обещали? Ну, давай, по порядку.

– Сказали, что педофил-насильник...

Я рассмеялся.

– Слушай, вор! Ты ведь, вор, да?

Хитрый молчит.

– Не первый ведь раз сидишь, вор? И ментам веришь? Чего обещали-то?

– Не смотреть особенно. В покое оставить. И водку, и курево, и вести с воли.

– Не смотреть, значит? Это хорошо. Это правильно. Значит, не смотрели?

Я покосился на глазок в двери.

В это время здоровый сделал попытку подняться, и я легонько пнул его ногой. Он отключился.

– Так, вор! Слушай внимательно и запоминай мою статью: «убийство, совершенное с особой жестокостью». Ну, повтори!

– Убийство...

– Ну! – я выкрутил ему руку.

– С особой жестокостью, – выдохнул он.

– Хорошо, иди. Сидеть тихо, рук не распускать. Ко мне обращаться «господин».

Хитрый сделал два шага и обернулся.

– Слушай, парень, может, без «господина»?

Я задумался, уж, не перегнул ли палку.

– Ладно, согласен. Я сегодня добрый.

Вынул носовой платок и взял им нож. Подошел к унитазу. Сооружение это больше напоминает насест в советских общественных туалетах, спроектированный для того, чтобы срать, сидя на корточках. Над дыркой располагается кран для умывания.

В эту самую дыру я и отправил нож. Пройдет ли? Легко! Заточка мгновенно стигнула где-то в недрах тюремной канализации.

Амбал медленно приходит в себя.

– Забирай своего друга! – милостиво говорю хитрому. – Как зовут-то тебя, джентльмен удачи?

– Глеб.

Я протянул руку.

– Ну, что мир?

Он без особого удовольствия пожал ее и буркнул «мир».

– Андрей, – улыбнулся я. – А теперь просвети-ка меня, Глеб, по поводу местных обычаев: обо что вытирать ноги, обо что не вытирать, а то ведь опять впросак попаду. Не дай Бог, кого покалечу!

Мне, наконец, дали белье (серое и влажное). Я умылся над сортиром и вытер лицо носовым платком (заподло вытираться тюремным полотенцем). И даже, если Глеб и загнул, у меня не возникало никакого желания пользоваться этой именуемой полотенцем тряпицей, тем более что в качестве тряпки у двери лежит точно такое же.

Лег в кровать и полужакрыл глаза. Надо быть настороже, неизвестно, насколько Глебов «мир» искренен.

Размышляю о собственной реакции на попытку сделать из меня пассивного гомосексуалиста. Почему собственно? Я всегда был далек от осуждения гомосексуализма как такового, а «священный отряд» Фив, составленный из любовников и столь благосклонно поминаемый де Садом и Николаем Козловым, никогда не вызывал у меня иных чувств, кроме симпатии, если не восхищения. Как писал Ксенофонт, «нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов».

Неужели дело в социальном статусе, в отношении общества, в трактовке? Там это было почетно, здесь – позорно.

И еще в насилии. Маркиз де Сад оправдывал насилие, даже убийство возводил в ранг доблести. «Половой акт грязен – так сделаем его еще грязнее!» Почему же «грязен»? Г-н маркиз, проповедник либэртинажа, впоследствии переименованного в либертерианство, находился в плену сексофобии, характерной для его времени, и откровенно именовал себя развратником. И потому его заносило: «семь бед – один ответ!»

Наивно! Как герой мультфильма, рычащий страшным голосом: «Я великий злодей!» Мало кто из современных БДСМеров назовет собственные развлечения развратом. Мы умнее и свободнее и способны отличить секс от насилия, мы провозгласили принцип добровольности и смогли вписаться в общество, еще не вполне, еще со скрипом, но все же. Увы, типичный ээк не умнее типичного обывателя и находится в плену тех же комплексов, что и маркиз де Сад. А я вынужден подчиняться, распространенным здесь стереотипом – иначе смерть.

Как же они извратили высокую любовь воинов!

Мы с Кабошем сидим в пабе «Стивен» и обсуждаем вопрос о брэндинге. Прошло почти полгода, с того момента, как Жюстина заговорила о клейме. С тех пор она не раз возвращалась к этому разговору, и постепенно я понял, что тоже этого хочу.

– Бычки о свою руку никогда не тушил? – поинтересовался Кабош. – Попробуй!
– Не курю.

Мэтр достал пачку «Винстон» и закурил.

– Ты же бросил.

– Иногда балуюсь.

Он сделал затяжку и отдал мне сигарету.

– Давай! Незабываемые впечатления.

Улыбнулся почти сладострастно.

Лето, я в рубашке с короткими рукавами.

Только не на тыльную сторону кисти, а то народ может удивиться. Лучше на предплечье. В крайнем случае, можно будет надеть рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть ожог.

– Прямо здесь? – спрашиваю я.

– А что? Здесь народ поймет.

Возможно. Паб «Стивен» служит местом постоянных встреч тематической тусовки. Но ведь возможны и случайные люди. Что если не смогу сдержать крик? Ладно, музыка громкая, заглушит.

Кладу руку на стол, горящий конец бычка впечатывается в кожу.

– Мать!

– Вот так-то! – заключает Кабош. – Клеймо в сто раз хуже.

– Я не под эндорфинами.

– Зато под пивом. Одно другого стоит.

Помолчали.

Кабош предложил сигарету.

– Будешь?

– А ладно! Давай!

Я с удовольствием затягиваюсь. Жюстина табак на дух не переносит, а главное терпеть не может курильщиков, говорит: «У них губы холодные!»

– Ну что, передумал? – спрашивает Кабош.

– Почему же? Ты мне технологию-то объясни.

– Хорошо. Но сначала на себе попробуешь.

– Я всегда все на себе пробую. Но в этом случае мне бы хотелось твоего присутствия при эксперименте.

– Ага! Чтобы личный врач на крайний случай! – он усмехнулся. – Разумно. Даже проассистировать могу.

– Буду очень обязан.

– Так. Прежде всего, на месте клеймения не должно быть нервных узлов и крупных сосудов. Куда ставить собираетесь?

– На плечо обычно ставили. Не на лоб же!

– Можно и на плечо, если Жюстина собирается до конца жизни отказаться от пляжей и платьев на бретельках или не боится шокировать общественность.

– Это мы с ней обсудим. А куда еще?

– На попу. Самое безопасное. Далее. Место клеймения надо тщательно очистить от волосков, обработать антисептиком и просушить. Существует две основных технологии нанесения клейма: историческая и БДСМ-ная. Есть еще химический метод (работа с кислотами), но я бы не советовал. И есть салоны тату. Там тоже брендингом занимаются. Не хотите обратиться?

– Угу! Обезболивание вместо сабспейса, и я за дверью. Ну и какой кайф?

– Это, смотря что вас больше интересует: процесс или результат. Результат там будет заведомо лучше.

– Процесс, процесс!

– Как знаешь! Итак. Технология БДСМ. Берешь стальной лист, отрезаешь кусок, накаливаешь, прикладываешь торцом. Держать не больше секунды. Глубина клеймения не должна превышать полтора миллиметра. Если меньше полмиллиметра – клеймо сойдет. Так что имеет смысл вспомнить детство и на дереве потренироваться. В клейме не должно быть замкнутых линий. В месте ожога образуется коллоидная ткань, через которую не прорастают капилляры. Ткань, окруженная ожоговым рубцом, отмирает. Кроме того. От клейма можно конечно словить кайф немереный, когда нижний в правильном состоянии, под эндорфинами. Но ему предстоит неделя ноющей боли и ношения стерильных повязок (от стафилококковой инфекции умереть, как нефиг делать, что частенько и происходило с заклеяменными преступниками), а повязки еще надо уметь накладывать. Это у Полин Реаж все легко и просто. Но «История О» – фантазии очевидной ванили, которая в реале никогда ничего не пробовала. Продолжать?

– Продолжай.

– Историческая технология. У палачей были наборные клейма с металлическими штырями. Клеймо получалось из точек, как татуировка. На первый взгляд историческая технология даже безопаснее (площадь клеймения меньше) и предоставляет более широкие возможности: набирай из точек любой рисунок. Кажется, чего проще: забей гвозди в тонкую деревяшку, чтобы вышли с другой стороны, накали – и вперед. Но тогда гвозди должны быть достаточно тупыми, чтобы не увеличить глубину клеймения и одинаковыми по длине.

– Мне больше нравится историческая технология.

Кабош пожал плечами.

– Ну, на себе попробуешь.

На фоне окружающих трехэтажных особняков дом Кабоша выглядит обителью нищего: первый этаж из белого дешевого кирпича, второй – вообще из бруса. Зато хорош забор. Совершенно глухой и высотой полных три метра. Говорят, в советское время запрещалось ставить заборы выше, чем два десяти. Такие и ставят все бывшие, обратившиеся в нынешних, словно по привычке. Кабош не из них и потому внутренне свободен, что парадоксальным образом проявляется в высоте забора.

Перед домом – модный деревянный настил с пластиковым столиком и такими же креслами. Как в открытом кафе. За этим самым столиком и сидим мы с Кабошем и потягиваем апельсиновый сок. Спиртное Кабош запретил на сегодня волевым решением.

– Джин! Подавай чай! – кричит Кабош.

Каблуки стучат по садовой дорожке и настилу. Я оборачиваюсь.

К столику подходит обнаженная молодая женщина. В руках у нее поднос с чаем, вазочкой с конфетами и двумя плитками шоколада. На шее – кожаный ошейник, на ногах – туфли на шпильках.

Девушка, пожалуй, красива, но, на мой взгляд, высоковата, да и грудь могла бы быть не такой тяжелой. Лицо знакомое. Где-то я ее видел.

Она ставит поднос на стол, гремят чашки, пахнет сладостями, отступает на шаг и преклоняет колени.

– А кто-то говорил, что рабынь не держит! – усмехнулся я.

– Ну-у, если женщина просит... Хочешь? Тебе сейчас эндорфины не помешают.

– Спасибо, Кабош. Честно говоря, не знаю, как отреагирует Жюстина. Мне бы не хотелось неожиданностей в наших отношениях. Ты бы хоть предупредил, что у тебя рабыня!

В общем-то, вряд ли Жюстину это расстроит. Тем более что цель чисто утилитарная – повышение концентрации эндорфинов в крови. К тому же Жюстина может ничего и не узнать. А может и узнать. Неожиданностей действительно не хотелось. Такие вещи надо оговаривать заранее.

– Ну, как хочешь! – говорит Кабош. – Тогда лопай шоколад. Обе плитки.
Я вопросительно смотрю на мэтра.

– Шоколад тоже вызывает выделение эндорфинов и, еще больше, серотонина, – объясняет он. – При тематическом «голоде» помогает – факт.

Делает знак своей рабыне:

– Иди!

– Где-то я ее видел, – задумчиво проговорил я, когда она ушла.

– На БДСМ-встречах ты ее видел. Джиния. Известная в Теме Госпожа. Не помнишь?

– А-а! Помню!

– Устал человек от верхней роли. Свитчинул. Ну что ж? Пусть расслабится в рабстве после тяжелой господской доли. Я подсобить – всегда пожалуйста.

Кабош окинул взглядом остатки ужина.

– Доел?

Я кивнул.

– Тогда пошли.

Вечереет. Солнце падает на запад, оставляя над землей яркую золотую полосу, перечеркнутую черными стволами сосен.

Мы спускаемся в подвал. Идем по большой комнате с низким потолком, носящей следы незавершенного ремонта. Голые стены, только одна оклеена обоями под кирпичную кладку, картон и осколки плитки на земляном полу.

– Отделаю – будет как во всеми нами любимой «Истории О» – полная звукоизоляция. Все стены обоюю пробкой. На полную катушку поразвлекаемся. Было бы готово – не понадобилось бы в лес тащиться. А сейчас – сюда!

Мы оказались в комнатухе площадью метров восемь, отделанной плиткой, как ванная или лаборатория. В углу стоит вполне медицинского вида стеклянный шкаф, усиливающий сходство с последней. У стены – кушетка, покрытая клеенкой, как в поликлинике, но куда чище и новее.

У шкафа – Джин. Она одета: белый халат, как у медсестры, волосы убраны под косынку.

– Маркиз, садись. Джин, иглы стерильные тонкие и антисептик.

– Зачем? – глупо спросил я.

Кабош улыбнулся.

– Надо же тебя подготовить к грядущим подвигам. Займемся плейпирсингом. Посмотрим твою реакцию на боль. Я хочу быть уверенным, что ты не потеряешь сознание от клеймления и сможешь оторвать руку с клеймом.

Я вспомнил, что Джиния прославилась в тематической тусовке тем, что вышивала крестиком на одном экстремальном мазохисте. Говорят, сложная техника.

Джин и Кабош надели хирургические перчатки и вымыли руки.

– Рубашку снимай! – бросил мне Кабош.

Иглы оказались длинными и тонкими, как от шприцов. Явно не для вышивания.

– Может быть, сам? – спросил Кабош.

– Мне бы хотелось посмотреть на работу мастера. И поучиться. Жюстина интересовалась.

– Я тоже не большой специалист. Джин! Послужи другу господина.

Они обработали мне плечо антисептиком. И Джин ввела под кожу первую иглу. Неглубоко. Сверху вниз. Игла выходит наружу и снова прокалывает плечо. И так дважды. Кончик иглы появляется на поверхности, возле него набухает кровавая капля. Ловко и быстро. У меня перехватило дыхание.

– Иглы хороши тем, – комментирует Кабош. – Что, нанося минимальное поражение организму, вызывают бурное выделение эндорфинов. На этом основан лечебный эффект иглоукалывания. Джин, этого мало. Давай еще! Нам надо создать максимально возможный обезболи-

вающий эффект, при этом, не вводя его в сабспейс, – он оборачивается ко мне. – Иначе ты будешь недееспособен.

Вторая игла вошла вслед за первой. Я чуть не застонал.

– Кстати, обрати внимание, – заметил Кабош. – Концы игл должны оставаться на поверхности. Иначе будет внутренняя гематома, а это не есть хорошо.

– Я видел какую-то передачу об иглоукалывании. Там иглы ставили именно так: перпендикулярно поверхности кожи и конец внутри, – я стараюсь говорить как можно ровнее и спокойнее.

– Не напрягайся, – советует Кабош. – Расслабься. По иглам есть один специалист. Лет десять жил в Китае, синолог. Небесным Доктором кличут. Хочешь, познакомлю?

– Хочу.

Кабош кивнул.

– Только, если он начнет разводить тебя попробовать «особые методы» – не разводишься. С его «небес» не все возвращаются.

– Учту.

– Джин! Давай еще парочку.

Когда она закончила, Кабош наложил мне на плечо стерильную повязку. Иглы остались там, под повязкой.

– Пойдем потихоньку.

Он повел меня на первый этаж, поддерживая под руку на лестнице.

– Мэтр! Да я в порядке.

– Конечно в порядке. Подумаешь четыре иголки под кожей! Даже не под ногтями! Просто не делай резких движений. Это все может испортить. Сабспейс – состояние хрупкое.

Я не чувствую никакого сабспейса.

– Все еще впереди, – усмехнулся Кабош.

Усадил меня в мягкое кресло на первом этаже.

– Джин! Еще чайку.

Обернулся ко мне.

– Откинься на спинку, расслабься, полузакрой глаза.

Боль, пожалуй, уменьшилась, хотя больнее всего прокалывать кожу. Когда игла уже там – далеко не так больно. Если только не шевелиться.

– Причина выделения эндорфинов – даже не боль, а именно ущерб, нанесенный организму, – говорит Кабош. – Так что оно продолжает работать.

Во время чая боль почти прошла, зато нахлынуло состояние эйфории. Довольно легкое, без потери контроля и тумана перед глазами.

Кабош заметил.

– Что хорошо?

– Хорошо.

– Помнишь переделку «Евгения Онегина» по Теме?

– Васину?

– Васину, Васину! Напомни-ка!

– Только любимые места.

– Давай!

– *В учебе милый наш Евгений*

Был не тупица и не гений,

А так слегка оригинал

И горько под лозой стонал.

Бранил Мазоха-ретрограда,

Зато читал monsieur de Сада.

*И был глубокий эконо́м,
То е́сть любил болта́ть о том,
Как госуда́рство всех име́ет,
И чем дере́т. И поче́му
Не на́до ба́тогов ему́,
Когда́ бере́за зеле́неет.
Оте́ц поня́ть его́ не мо́г
И му́жиков кну́тами се́к⁵.*

– Отлично! Язык не заплетается. Значит все путем. В глубоком сабсейсе язык заплетается. Значит, не переборщили. У тебя довольно поверхностное состояние. Пошли!

Идем по лесу. Где-то далеко звучат гитары и мелькают между деревьями огни костров. Я вспомнил тот эпизод из булгаковского рассказа «Морфий», где герой колет себе очередную дозу, и неровные звуки шарманки под окном превращаются в ангельский хор. Я в похожем состоянии. Лес кажется необыкновенно прекрасным, я чувствую каждую травинку, каждый лист. Наверху, в просветах между ветвей, словно нарисованных тушью, плывут звезды, и воздух пахнет хвоей и земляникой. Наверное, что-то похожее ощущали буддистские монахи. Сатори. Просветление. Между прочим, частенько наступавшее после удара палкой или многочасового сидения в медитации.

Эндорфины. Внутренние морфины. Опыянение – да! Но без слабости и сонливости. Голова работает четко и ясно, и мне почти не страшно.

– Если мы слышим звон гитары – значит, они слышат крик, – говорит Кабош. – Слишком близко от Москвы. Эх! Надо было подальше дачу строить. Но ничего, я нашел одно место, равноудаленное от всех соседних населенных пунктов.

Мы выходим к кострищу, обложенному кирпичами. Вокруг него – несколько бревен.

– Садись! – говорит Кабош. – Я разведу костер. Не дергайся!

Костер запылал, искры прочерчивают в воздухе витиеватые следы.

– Ну, показывай свое произведение, – просит мэтр.

Я достаю клеймо. Трискель диаметром сантиметра в полтора, набранный из гвоздей с затупленными концами.

Кабош берет, крутит в руках, пальцы пробуют остроту гвоздей, кивает.

Поднимает топорик – кора слетает с бревна рядом со мной.

– Здесь попробуешь!

Клеймо кладем на кирпичи так, чтобы иглы касались пылающих углей. Я усомнился в нашей технологии: деревянная основа и рукоять могут загореться.

– Куда ставить будешь? Показывай!

– На ногу.

Увы, для сэлфбрендинга и плечи, и ягодицы крайне неудобны.

Я заворачиваю штанину, открывая икру.

– Вот сюда.

Кабош трогает кожу.

– Я подготовился, – говорю я. – Волос нет.

Он кивнул.

Из сумки извлечен пузырек с медицинским спиртом – мэтр обрабатывает место будущего клеймения.

– Пусть сохнет. Теперь пробуй на деревяшке.

⁵ Авторы стихотворения фигурируют в рунете под никами «Вася-Совесть» и «Добрый Дядя».

Нагибаюсь, вынимаю клеймо из костра, гвозди касаются освобожденного от коры участка дерева, он дымится. Считаю до двух. На бревне остается черный, составленный из точек, три-скель.

– Неплохо, – говорит Кабош.

Возвращаю клеймо на угли.

– Теперь еще одно, – продолжает мэтр. – Человеку свойственно рефлекторно отстраняться от поражающего воздействия. Так что твою ногу надо фиксировать. На силе воли здесь не выедешь.

– Ничего подобного. Есть опровергающие исторические примеры. Протопопу Аввакуму некая женщина стала на исповеди описывать свои плотские грехи. И обуяло его желание. «Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в тот час...» Тогда достойный святой отец зажег три свечи, прилепил к аналою, внес руку в пламя и держал так, пока не угасло желание.

– У свечей пламя холодное по сравнению с каленым железом. И у тебя ситуация сложнее. Ты хотя бы руку с клеймом удержи секунду. Не так уж мало в таких обстоятельствах. Иди-ка сюда. Здесь есть пень замечательный.

Упомянутый пень стоит в полутора метрах от костра, и к нему сходятся два из четырех бревен.

– Садись сюда.

Я подчиняюсь, он притягивает мою ногу к пню ремнями. Очень туго. До боли.

– Блин! – говорю я.

Он усмехнулся.

– Ничего. Это не надолго. Поверь мне, так безопаснее. Очень больно?

– Терпимо.

– Я не ради твоего геройства спрашиваю. Вопрос чисто практический. Мне нужно знать, насколько ты под эндорфинами.

– Правда, терпимо.

Он зашел мне за спину и сильно сжал плечо там, где под повязкой в коже сидят иглы.

Я взвыл.

– Ну вот, – говорит мэтр. – Подождем еще минут десять.

Через десять минут боль успокоилась.

Кабош смотрит мне в глаза.

– Ну что, готов?

Я кивнул.

– Давай.

Он снимает клеймо с углей и протягивает мне рукоятью.

Вдыхаю поглубже, клеймо впечатывается в кожу на ноге.

Боль затопила сознание. Ничего, кроме боли. Наверное, я ору. Не до того, чтобы считать до двух, отмеряя секунду.

Рука Кабоша на моей руке, держащей клеймо. Он с силой сжимает мне кисть и отрывает клеймо от кожи. Отбирает вовсе, взгляд останавливается на ожоге.

– Отлично!

Слегка похлопывает меня по плечу.

– Расслабься. Все позади.

А я улываю в сабспейс. Настоящий глубокий сабспейс, а не ту легкую эйфорию, что была, когда мы шли по лесу.

Я среди звезд, над кронами деревьев. Костер превратился в светлое пятно где-то далеко, то ли внизу, то ли на периферии сознания. Но непостижимым образом я вижу улыбку Кабоша и ловлю себя на желании пасть перед ним ниц и целовать ему руки, ноги, сапоги.

– Я всегда говорил, что мазохиста можно сделать из любого человека, – говорит обладатель улыбки.

Есть свидетельства, что иногда жертвы инквизиции во время допросов под пыткой приходили в состояние эйфории и объяснялись в любви к палачам. Это ужасало свидетелей и рассматривалось как неопровержимое доказательство связи пытаемых с Дьяволом (Враг рода человеческого помогает переносить мучения). Такие свидетельства редки. Когда тебе рвут клещами половой член или ломают ребра – уже не до сабспейса. Методика не та. Но не всегда палачи начинали с грубого членовредительства. При таком обилии экспериментального материала должны же они были хотя бы по теории вероятности, хоть изредка, вызывать сабспейс.

Кабош снял ремни и наложил повязку, а я все летал среди звезд, в своем подпространстве, и любил всем сердцем своего палача, забыв даже о том, что сам себе поставил клеймо.

И я понял, что не лишу Жюстину этого удовольствия.

Утром звоню Кабошу.

– Ну, жив? – спрашивает он.

– Как видишь. Жюстина сменила повязку на клейме. У нее это неплохо получается.

Она сидит у ног, голова покоится на моих коленях, я глажу ее по волосам.

– Я сегодня приеду, посмотрю.

– Захвати Небесного Доктора.

– Гм... Если получится.

Небесный Доктор появился у нас только через неделю, когда моя рана практически зажила. Интеллигентнейший человек. Худой, высокий. Вежлив, обходителен, эрудирован. Рассказывает о японских и китайских методах заварки чая. Впрочем, и родной, черный, потребляет с удовольствием.

Я думаю о том, можно ли как-нибудь догадаться по его виду, языку, жестам о его... увлечении. А по мне можно? А по Жюстине? Если человек не носит трискель на видном месте, можно?

Маркиз де Сад писал о женщинах, которые стекаются к местам публичных казней: это наши люди! Сейчас показывают множество боевиков и фильмов ужасов, где кровь течет рекой, но мы с Жюстиной, как ни странно, к ним равнодушны. Нет в них БДСМ-ного аромата. Вот, если ночь перед казнью со священником и обрезанием воротника – это да! Это волнует! А тут пришли, постреляли, всех убили – и все. Скучно!

А, если бы сейчас, в Москве, происходили публичные казни, мы бы туда пошли? Да, положила руку на сердце, мы бы туда пошли. Бегом побежали!

Небесный Доктор допивает чай и встает из-за стола.

Мы вопросительно смотрим на него.

– Не сегодня. Сегодня знакомство. В следующую субботу.

Мы с Жюстиной сидим и ждем звонка в дверь. Небесный Доктор обещал прийти к шести, но мы уже час на взводе, и ничего не в состоянии делать.

Стрелки на часах вытянулись в вертикальную линию, и раздался звонок. Небесный Доктор феноменально пунктуален.

– Добрый вечер! Готовы!

– Да.

Жюстина помогает снять длинное щегольское пальто и принимает черную шляпу. Под верхней одеждой – рубашка китайского фасона с закрытым воротом. Черный шелк, как на БДСМ-вечеринке. И черные кожаные брюки.

В руках гость держит черный баул, похожий на медицинский чемоданчик позапрошлого века.

Проходим в спальню. Небесный Доктор водружает чемоданчик на тумбочку рядом с кроватью. Открывает. На свет божий извлечен довольно странный набор предметов: кисть для письма, тушечница, антисептик и набор игл, длинных и тонких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.